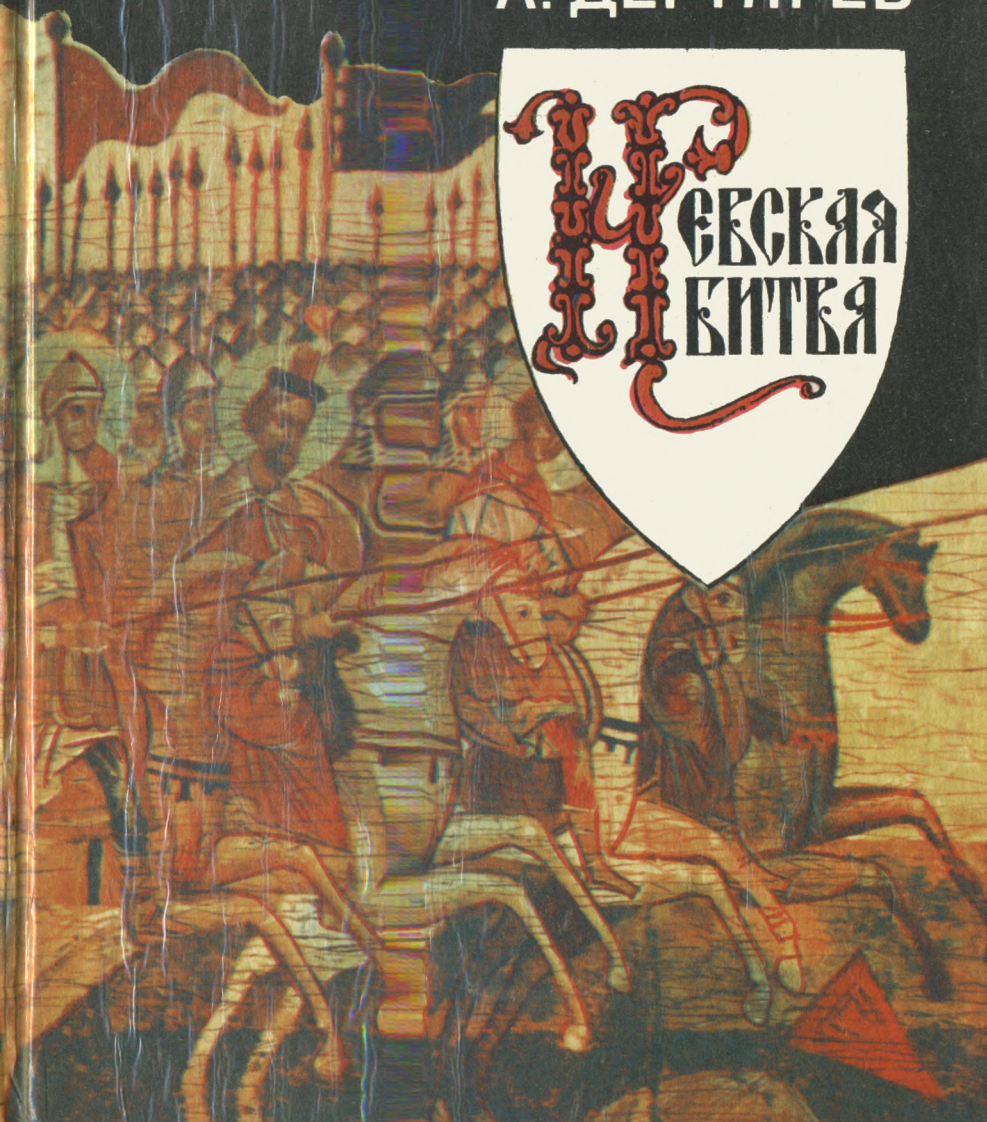

А. ДЕГТЯРЕВ

ИВЕСКАЯ
БИТВА

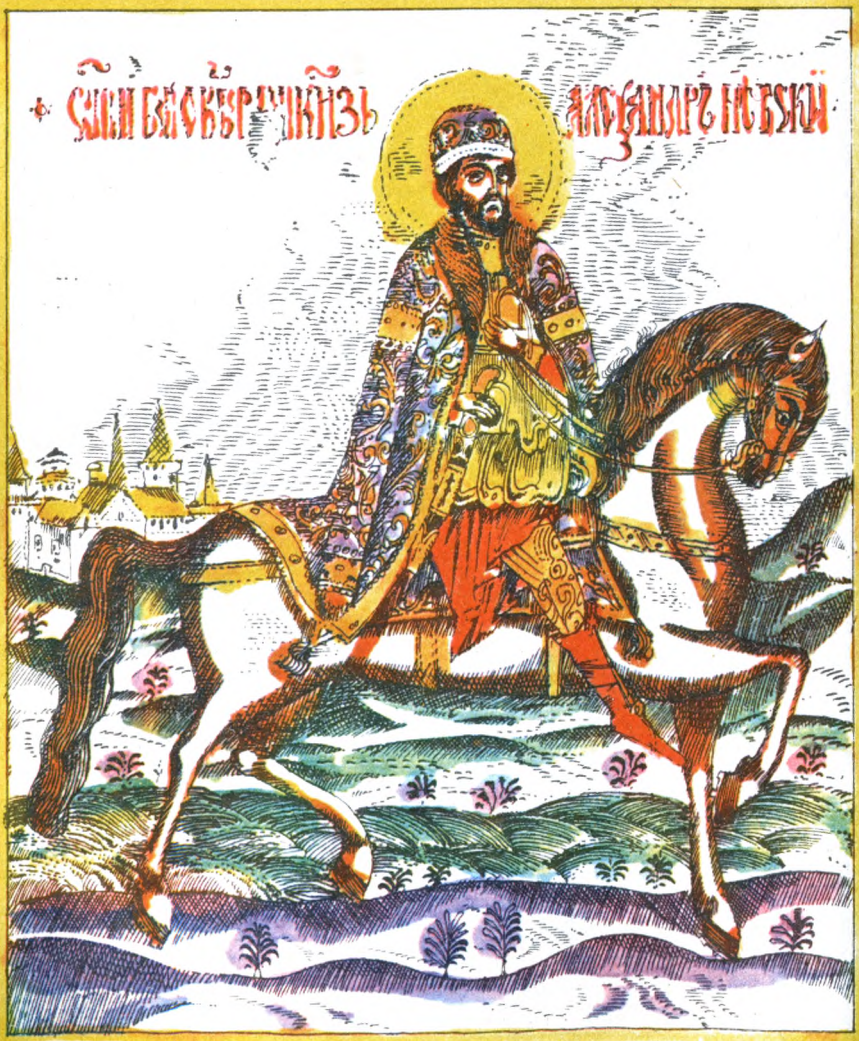

ИВЕСКАЯ
БЕНТЯ
1240г.

«Имя Святого, ему данное, гораздо выразительнее Великого: ибо Великими называют обыкновенно счастливых: Александр же мог добродетелями своими только облегчать жестокую судьбу России, и подданные, ревностно славя его память, доказали, что народ иногда справедливо ценит достоинства государей и не всегда полагает их в внешнем блеске государства».

Н. М. Карамзин

СВЯТЫЙ БЛАЖЕННЫЙ

АНДРЕЙ ПЕРВОЗВАННЫЙ

А. ДЕГТЯРЕВ

**НЕСКАЯ
БИТВА**

**Рисунки
В. Цикоты**

Ленинград
«Детская литература»
Ленинградское отделение
1991

Научный рецензент —
доктор исторических наук, профессор
А. Н. Кирпичников

Книга повествует о выдающемся событии в истории Древней Руси — битве новгородского войска под предводительством князя Александра Ярославича со вторгшимися на Русь шведами. Рассказ ведется на широком историческом фоне, показана жизнь древнего Новгорода, русское военное искусство, крепостные устремления шведских феодалов, совместный отпор агрессорам со стороны славян, населяющих приневские земли.

750 лет отделяет нас от славного деяния предков, принесшего новгородскому князю Александру Ярославичу почетное прозвище Невского, а участникам его — вечную, уже на три четверти тысячелетия протянувшуюся славу. В разных формах бытовала она на нашей земле за эти века, то расцветая, то уходя в тень. В строительстве храмов, почитании мощей провозглашенного святым и благоверным князя. В учреждении орденов, в названиях площадей, улиц и даже станций метро. В живописных и скульптурных образах, сотворенных лучшими художниками. Эта слава звучала в древних стихирах, где князь выступал не только как великий воин, но и как «печальным утешитель и отчаянным заступник».

Александр родился за три года до первого столкновения русских с монголо-татарами на реке Калке. Ему было семнадцать лет, когда Батыево нашествие испепелило Русь и ввергло ее в вековые пучины ордынского ига. Суровая жизнь родила и выковала в Александре самый нужный Руси в ту пору талант — талант полководца.

В двадцать лет рано возмужавший бесстрашный новгородский князь в ожесточенном сражении на Неве обратил вспять двинувшееся в пределы Руси шведское

крестоносное воинство. Невская победа не была случайным даром княжеской судьбы. Спустя два года Александр Невский одержал — и опять-таки благодаря своему великодушному полководческому таланту! — победу в тяжелейшем сражении с немецким крестоносным рыцарством, знаменитом Ледовом побоище.

Александра Невского отличало редкое умение точно выбрать место и время сражения, с максимальной тактической пользой выстроить полки, продуманными действиями сковать войско противника, а самому иметь необходимую свободу маневра.

Когда прослеживаешь ход проведенных им сражений, поражает четкая строгость его полководческой мысли и сила неумолимой военной логики, которой русский князь владел в совершенстве.

Героическими усилиями возглавленных Александром боевых дружин и крестьянских ополчений, набранных «от сохи по человеку», угроза крестоносного порабощения русских земель была остановлена.

Дар полководца счастливо соединился в Александре Ярославиче с политическим талантом и дипломатическими достоинствами. Всякий знающий о трагических испытаниях, выпавших Руси в XIII веке, осознаёт, наверное, что сохранить Русь только военными усилиями в тот момент было невозможно. Лишь мудрое и тонкое сочетание боевых и политических усилий, помноженное на дипломатическое искусство, могло увести Русь от гибельной судьбины. В отличие от других русских правителей, часто искавших сиюминутных выгод в случайных политических сделках, Александр уловил глубинный ток истории и, постигнув его, жил и действовал так, как требовала судьба Отечества. Продуманными и осторожными шагами, год за годом «перемогааясь» с Ордой, он охранял Русь от ордынских облав. Смирив воинскую гордыню, князь ездил по ханскому зову

в Сарай, принимал требования завоевателей «дать число», платить золотом и серебром, пушниной и иными ценностями «выход» в Орду — иного пути у обескровленной Руси пока не было.

На северных и западных рубежах после решительного отпора завоевателям в начале 40-х годов XIII века Александр старался избежать больших войн, хотя и не раз пришлось ему и в последующие годы обнажать в этих краях свой княжеский меч. Но главным и здесь становилась тонкая и точная дипломатия, подкрепляемая торговлей и упорчением связей с народами, которые тоже страдали от иноземцев.

Минут десятилетия — и прорастут семена, брошенные Александром в пепел и кровь истерзанной родины. Начнется долгий и непростой процесс собирания Руси. Спустя века потомки признают в Александре Невском родоначальника политики возрождения Руси.

Великий князь Александр Ярославич прожил недолгую жизнь. Он умер, не свершив многого из того, что мог бы, сорока трех лет от роду, возвращаясь из Сарая, где отстоял перед ханом Берке русские полки от насильного включения в ордынское войско, направлявшееся очередным разбойным походом в Переднюю Азию.

Тяжело заболевший князь возвращался на Русь по Приволжским степям, достиг Нижнего Новгорода, где остановился ненадолго. Ему становилось все хуже, но он упрямо стремился в родной Владимир и скоро приказал ехать дальше. Добрались до Городца. Здесь почувствовал Александр Ярославич приближение смерти, здесь и настигла его кончина. Князь умер 14 ноября 1263 года, приняв монашеский сан.

Жизненный путь Александра Невского был труден и велик. И посмертный путь выпал праху его небывалый, на Руси невиданный. Тело его доставили неблизким путем

через Стародуб во Владимир, где 23 ноября предали земле в соборе Владимиро-Рождественского монастыря. За похоронными санями соратники многих битв и походов вели верного коня, несли тяжелый меч и боевой доспех. «Малые и велиции» жители стольного Владимира провожали великого князя. «Чада мои! — горько восклицал в прощальном слове митрополит. — Разумеите, яко уже зашло солнце земли Суздальской!...»

Так совершился последний, как думалось, земной путь знаменитого князя. Однако спустя четыре с половиной века по велению Петра I в августе 1724 года прах героя Невской битвы был перенесен в новую столицу России и помещен в Александро-Невскую церковь Петербурга.

В 1790 году его перенесли в Свято-Троицкий собор Александро-Невской лавры.

В 1922 году, в период ожесточенной экспроприации церковных богатств, мощи святого и благоверного князя, заключенные в многопудовый серебряный саркофаг, были изъяты из собора. Саркофаг ныне хранится в Эрмитаже, а прах Александра Невского в 30-е годы оказался в Казанском соборе.

И вот уже в наши дни, в июне 1989 года митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей принял возвращенный православной церкви опечатанный кипарисовый ларец. Останки полководца переложили в более вместительный ковчег, и они совершили еще один, уже пятый по счету после первых похорон, путь — вновь в Свято-Троицкий собор Александро-Невской лавры, где прах князя хранился с 1790 по 1922 год. На площади у собора траурный кортеж был встречен со строгой торжественностью. В храме отслужили молебен во славу героя-полководца.

Последний путь?

ДѢТЯМЪ КНЯЗЬ

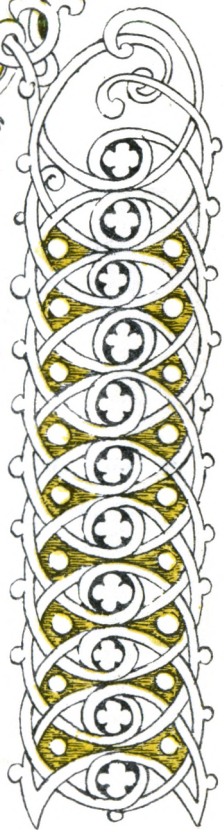
Детские годы

одиной Александра был Переяславль-Залесский. Здесь он родился в 1220 году в семье князя Ярослава Всеволодовича, сына князя Всеволода Большое Гнездо, который получил свое прозвище

за большое семейство.

Переяславль к тому времени считался всего лишь центром одного из девяти владими́ро-сузда́льских княжеств, составлявших сильную Владимиро-Суздальскую землю. Александрова отца князя Ярослава судьба привела сюда после того, как он побывал князем-правителем во многих землях. Княжил в Переяславле-Южном и уже в одиннадцать лет ходил оттуда с полками против половцев. В пятнадцать лет пытался получить Галицкую землю, да не вышло. Был князем в своенравной и гордой Рязани. Не поладил с рязанцами, те предали его, за что

могучий Всеволод, подойдя с войском, сжег город, отомстив рязанцам за сыновьи обиды.

После смерти отца Ярослав вокняжился в Переяславле-Залесском.

Волны гневных феодальных споров, военного соперничества, политических интриг широко ходили по Руси, накрывая ближние и дальние земли. Ярослав тоже часто покидал родной город, участвуя в походах и битвах.

Особенно ожесточенной оказалась для него схватка из-за Новгорода со знаменитым князем Мстиславом Удалым, одним из лучших русских полководцев этого былинного времени. В 1216 году полки Ярослава и других князей Владимиро-Суздальской земли сошлись на боевом поле у реки Липицы с дружинами новгородцев, псковичей, смолян, ставших под стяг Мстислава. Сражение было ожесточенным — Липицкая битва запомнилась на века как пример раздора и братоубийства. Мстислав одолел.

В горячке боя, теснимый многочисленными противниками, Ярослав потерял прочный и дорогой шлем, изукрашенный серебряными накладками. Искусные ремесленники, выполняя княжеский заказ, начертали на одной из пластин молитву-заклинание: «Великий архистратиге господи Михаиле помози рабу своему Федору». Христианское имя Федора Ярослав получил при крещении.

В тот апрельский день 1216 года архангел Михаил не помог князю. Князь, чтобы облегчить бегство, снял шлем и кольчугу да спрятал их под кустом в лесу. Судьба этого княжеского доспеха оказалась удивительной. Он пролежал

на поле Липицкой битвы больше шести веков! Лишь в XIX веке эту боевую реликвию случайно нашла крестьянка.

Липицкая битва, усилившая Мстислава Удалого и поднявшая вес и значение Великого Новгорода, нанесла Ярославу не только политический и военный урон. И не только потерей любимого шелома запомнилась она князю. Разгневанный Мстислав отобрал у Ярослава свою дочь — красавицу Ростиславу, выданную за молодого князя незадолго до этого. Пытался Ярослав остудить гнев тестя, вернуть любимую жену, но Мстислав оставался неумолимым.

Смирившись с судьбой, Ярослав оставил свои попытки и женился вновь. Новой женой его стала княжна Феодосия, сестра рязанского князя Ингвара. В 1219 году родился у них первенец, при крещении его нарекли Федором, как и отца. А на следующий год появился еще один сын. Его называли Александром.

Первые годы юного княжича прошли в Переяславле. Здесь открылась ему спокойная душа родной природы. Здесь услышал он первые рассказы о былинных богатырях, защитниках родной земли. Здесь открывалась перед ним — страница за страницей — русская жизнь, частью которой был он сам. Весь строй древней жизни служил тому, что человек с ранних дней чувствовал свою неотторжимость от того бытия, которое текло вокруг, словно русская река, шумело, как таинственный лес, билось удивительным родником...

В мальчиках тогда рано начинали видеть маленьких мужчин. Уже в совсем юном воз-

расте ждал княжеского сына средневековый рыцарский обычай — постриги. И юного Александра ждал этот строгий обряд. В Спас-Преображенском соборе чтимый всеми переяславцами епископ Симон подрезал княжичу нежные кудри — вместе с ними, как считалось, падало к ногам мальчика, оставалось в прошлом детство. И начиналось тревожное для юного сердца, полное уже не детских забав, а воинского и иного учения отрочество.

Учение

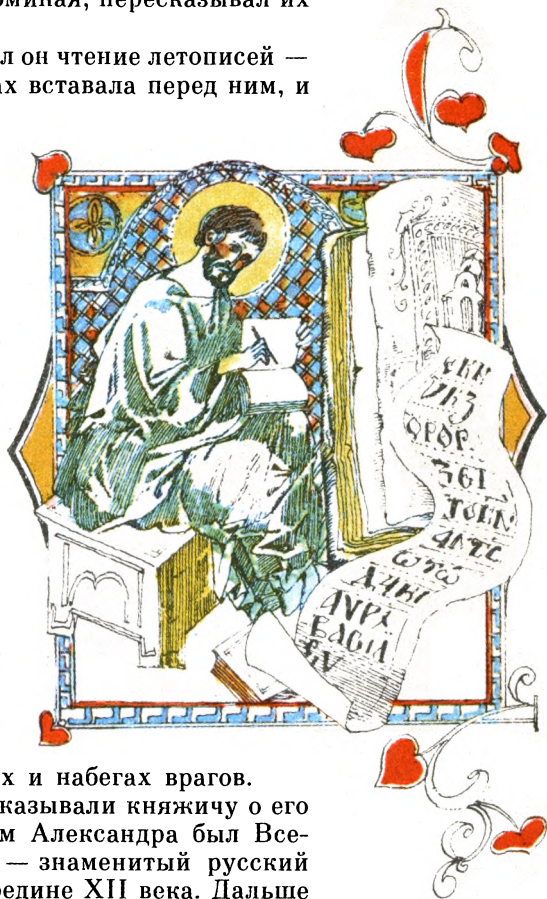
Княжич был препоясан мечом и «всажен на конь». Отныне начинался для него рыцарский — княжеский — путь. Отныне он — еще маленький мальчик — покидал женскую половину княжеских покоев и переходил под опеку воспитателя-дядьки.

Александра стал воспитывать княжеский боярин Федор Данилович. Он учил княжича многому. Учил и простым вещам: «Еде и питью быть без шума великого. При старших молчать, мудрых слушать, старшим повиноваться». Учил и грамоте, в чем помогали дядьке искусные в письме и чтении монахи. Особенно часто они читали княжичу Библию, повторяли многие места по многу раз. Юный ум крепко схватывал сказочный библейский текст. Александр запомнил многие страницы из священного писания и в

зрелые годы, легко вспоминая, пересказывал их дословно.

Но еще больше любил он чтение летописей — русская история в лицах вставала перед ним, и он ощущал себя ее живым продолжением. Записанное на листах тонкого желтоватого пергамента соединялось с реальной жизнью через еще живущих людей и их деяния. Со страниц «Переяславского летописца», в котором записывались сведения о событиях в родном княжестве, узнавал он о своих предках и родичах, их подвигах и делах. Узнавал об истории родного града — строительстве храмов и укреплений, о пожарах и небесных знамениях, о голодных неурожайных годах и набегах врагов.

Особенно часто рассказывали княжичу о его великих предках. Дедом Александра был Всеволод Большое Гнездо — знаменитый русский князь, правивший в середине XII века. Дальше род их поднимался к основателю Москвы Юрию Долгорукому, сыну великого князя Владимира

Мономаха. От Мономаха род уходил к Ярославу Мудрому. От Ярослава к Владимиру Святому, крестившему Русь в 988 году, и в конце концов поднимался к легендарному Рюрику.

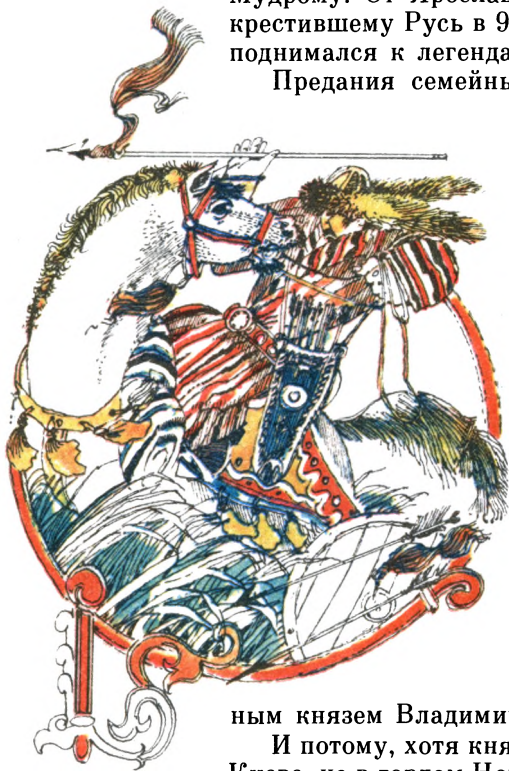
Предания семейные свято хранили в кня-

жеских родах, и потому Александр слышал их с малых лет. Слушал рассказы о могуществе деда Всеволода, который мог «Волгу веслами расплескать, а Дон шеломами вычерпать». О политическом и военном искусстве Мономаха, умевшего давать отпор воинственным степнякам. О государственной мудрости Ярослава Мудрого, давшего Руси первый писанный закон — «Русскую правду». О великой святости дела — крещении Руси, осуществленного решитель-

ным князем Владимиром.

И потому, хотя князь взрастал не в стольном Киеве, не в гордом Новгороде, а в скромном Переяславле, виделась ему в рассказах и откладывалась в душе вся необъятная Русь.

Чтение и рассказы побуждали быть похожими на людей, совершавших дела необычные, память о которых не умирала, а заносилась

в книги, которые, как казалось мальчику, лежали вечно в монастырских и княжеских заветных хранилищах, и потому вечной была и память о великих делах, о доблестных воителях, не убоявшихся сильных противников, дальних дорог и грозных знамений.

А еще дивили его книги византийские, переложенные монахами на русский язык. Особенно поражала необыкновенная «Александрия» — повесть о подвигах Александра Македонского. Великий воин, строитель огромной империи потряс воображение княжича Александра. Было кому подражать на этой земле!

В постоянном учении существовали и трудные стороны. Монахи и дядька учили считать, писать заставляли помногу, отрывая от игр и развлечений. Утомительно было сидеть и на княжеском суде, куда его иногда водили слушать малопонятные речи — жалобы истцов и объяснения обвиняемых, постигать трудную для молодого ума череду законов и правил — «Русскую правду», данную народу два века назад Ярославом Мудрым, дополненную его сыновьями Ярославичами. Не всегда было ясно, почему князь или боярин судил так, а не иначе, приговаривал несправедливо, жаль было обиженных.

Все следовало познать княжичу, которого с ранних лет готовили к той же дороге, по коей прошли отец, дед, прадед и многие родичи. Молодой ум, движимый подсказками старших и природным любознанием, впитывал разные умения, грамоту и счет, правила и законы. Не все, конечно, сразу понимал юный княжич.

Многое в жизни общества для человека того времени выглядело как данное от века и принималось словно само собой разумеющееся. Так воспринималась христианская вера, учившая покорности и терпению. Так воспринималось и людское неравенство — рабы-холопы вовсе, например, не считались за людей, любого из них, если он принадлежал тебе, можно было убить без всякого наказания. Крестьянин-смерд хоть и был лично свободен, но стоял неизмеримо ниже бояр и князей — как небо от земли отделены «черные люди» были от простого народа, и это считалось нормальным и естественным.

Иных светлых разумом людей такая несправедливость остро ранила. При дворе Ярослава Всеволодовича жил оставивший миру свое горестное «Моление» Даниил Заточник. Душа этого оставившего княжескую службу дружинника, изверившегося в справедливости мира, кровоточила от обид и унижений.

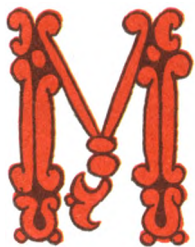
Он был известен в переяславском кругу острыми и горькими словесами, из которых и составил свой знаменитый труд, посвященный Ярославу Всеволодовичу.

Даниил говорил с князем от имени всех обездоленных и голодных: «Когда веселишься многими яствами — и меня помяни, сухой хлеб жующего!» Он обращался к князю от имени всех бездомных: «Когда лежишь на мягких постелях под собольим одеялом — и меня помяни, под одним платом лежащего и зимою умирающего!» Видя, как упивается властью и богатством переяславское боярство, тогда как рядом городская голь не каждый день ест черствый хлеб,

Заточник восклицал от лица всех страждущих: «Кому Переяславль, а мне Гореславль! Кому Белоозеро, а мне черней смолы!»

Несовершенство жизни заставляло Даниила обращаться к человеческой душе, в ней стремился он найти хотя бы подобие совершенства. «Не зри внешняя моя, но воззри внутренняя моя!» — обращался он к собеседнику, полагая, что душа человека может быть гораздо выше и чище внешнего облика, на который наложила печать или даже изуродовала несправедливая жизнь.

Слуха княжича достигали многие острые слова Даниила Заточника. Тревожный их строй побуждал к размышлениям. Сложность древнерусского мира шаг за шагом открывалась Александру — и ответственные княжеские дела, и боярские хитрости, и тяготы народные, и божественная премудрость церковных владык, которым он свято — в отличие от отца — верил.

Первые пути

Мир княжича расширялся. Однажды повезли его в столицу княжества — славный Владимир. Мощная крепость с красивыми огромными воротами открывалась с Юрьевской дороги на подъезде к городу. Сначала бросился в глаза пятиглавый собор — Успенский, как объяснили сопровождавшие княжича дру-

жинники. Потом открылся взору белокаменный Дмитровский храм. Рассказали мальчику, что он был воздвигнут при князе Андрее Боголюбском всего за четыре года. Сначала думал Андрей пригласить мастеров «из немец», но, размыслив, поручил строительство русским мастерам и не-скольким грекам.

Мощные стены собора олицетворяли силу Владимирского княжества. А вознесенный в головокружительную высь золотой шлемовидный купол твердо и ясно напоминал всякому, кто бросал взгляд на храм, о единовластии, столь необходимом стране. Словно богатырь в золотом шлеме охранял столицу Северо-Восточной Руси!

Белокаменные стороны собора и подкупольный барабан были покрыты искусной резьбой. Издалека она напоминала парчовую одежду сказочного князя-героя. Картины, изображенные мастерами, среди которых были русские, греки, болгары, приоткрывали таинственный мир прошлого — то, о чем подробно рассказывали летописи и церковные книги. Здесь был и Александр Македонский, и дикий звери и птицы. Рядом русские картины — портрет деда Всеволода, а рядом маленькие мальчики в кафтанчиках — сыновья — и среди них отец Александра...

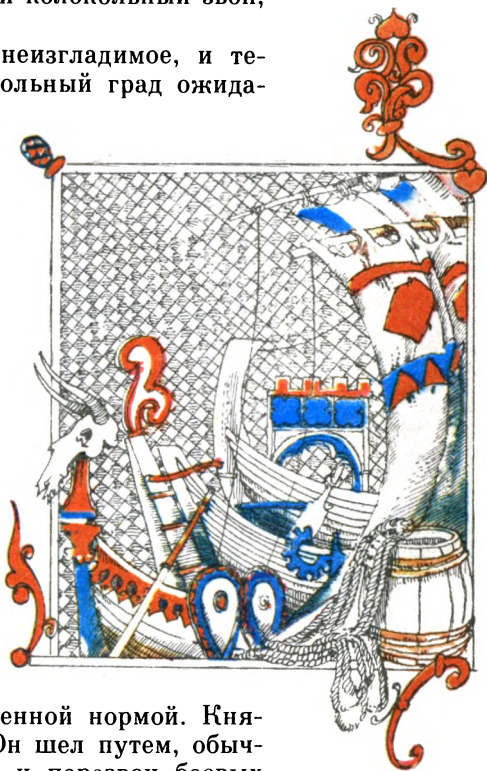
Прошлое представляло перед княжичем застывшим героическим барельефом.

Еще больше поразило внутреннее убранство столичных соборов — стены, расписанные сверху донизу божественными картинами, сияние серебряной и золотой утвари, отражавшей

свет сотен свечей, густой запах ладана, и басовитые голоса служителей, и колокольный звон, падавший словно с неба...

Впечатление осталось неизгладимое, и теперь каждая поездка в стольный град ожидалась с нетерпением и была радостью и наградой.

Пути-дороги все чаще выпадали подраставшему княжичу. Поездки в дальние и ближние города — с отцом или его ближними боярами и дружиной, — многодневные выезды на звериную охоту или рыбный лов, продолжительные поездки по селам, слободам и весям для сбора княжеской дани случались одна за другой. Княжеская жизнь была беспокойна, тяжелый походный быт издревле, со времен первых князей, стал жизненной нормой. Княжич закалялся и мужал. Он шел путем, обычным для русского витязя, и перезвон боевых мечей, скрещиваемых то в борьбе с внешним врагом, то во внутренних усобицах, рано достиг его слуха. Большие и малые противоборства стали нормой политической жизни во времена феодальной раздробленности. Нормой были

и частые политические повороты внутрирусской жизни, вместе с которыми часто менялась и судьба одного, а то и нескольких сразу князей.

Новгородские тревоги

Первый из таких поворотов коснулся судьбы Александра, когда ему минуло всего семь лет. В тот год отец, князь Ярослав, был отправлен великим князем Владимирским на княжение в Новгород.

Так еще в раннем детстве Александр увидел впервые гордый северный град, с которым столь много будет связано в его личной судьбе.

Новгород сразу многим впечатлил княжича, уже начавшего понимать строй княжеской жизни в центральных землях Руси.

Во-первых, удивил мощными укреплениями и множеством церквей. Больше иных потрясла княжича громада пятикупольной Софии, развернувшейся широким и строгим фасадом. Равного Софии храма еще не доводилось видеть.

Удивил город и длинными-длинными пристанями у Торговой стороны полноводного Волхова. Но еще больше — множеством диковинных кораблей, стоявших у причалов. Русские ладьи покачивались здесь вперемешку со шведскими шнеками, датскими, немецкими пинасами. Неведомая речь звучала на кораблях, на причалах, в торговых рядах пестрого и шумного

новгородского торго. Кипение его несравнимо было с владимирскими ярмарками, не говоря уж о переяславских. Своенравный характер Новгорода проглядывал во многих сторонах новгородской жизни, но в торговой деятельности, пожалуй, более всего. Только вече превосходило ее по накалу страстей.

Немало было и иных диковинных вещей в новгородской жизни. Князя, например, не встретили, распахнув ворота, с поклонами и почестями, как случалось, когда отец возвращался откуда-нибудь в родной Переяславль. И двор княжеский вовсе не в центре города стоял, как на всей Руси повелось, а вообще за стенами новгородскими! В двух верстах к югу от города на древнем Городище остановился прибывший править Ярослав. И только на второй день после прибытия двинулся он в Новгород, сопровождаемый настороженными послами новгородскими. Станным казалось княжичу и то, что не отцу-правителю присягали люди новгородские, а он сам принес в громадном Софийском соборе присягу Новгороду, обещал править и судить по новгородской старине.

А заключил отец свои обещания крестным целованием. Вся знать новгородская, бояре, перепоясанные золотыми поясами, житьи люди и купцы в длинных дорогах кафтанах, ремесленники в кафтанах коротких, а то и в сермягах внимательно наблюдали за князем — как говорит, как крест целует?..

Пока шла долгая церемония, Александр дивился храму. Более всего поразило его огромное изображение Спаса Вседержителя в куполе

церкви, прямо над головами всех, кто стоял под святыми сводами. О поднятой сжатой руке Спаса ходила легенда. Говорили, что сначала написали его иконописцы с раскрытой рукой, благословляющей верующих с небес. Написали и пошли к ночи спать. Утром пришли — сжата рука у Спаса! Владыка новгородский Лука, решив, что писари ошиблись, повелел исправить — написать образ с раскрытой рукой. Сделали богوماзы все, как велено было. На следующий день приходят — сжата рука у Вседержителя! Еще раз попробовали переделать — тот же результат! А на четвертый день, когда изумленные иконописцы вновь попытались исправить руку, раздался им глас: «Не пишите меня с благословляющей рукой, напишите меня со сжатою рукою — в этой руке я Великий Новгород держу! А когда сия рука моя раскроется, тогда будет граду сему скончание!»

Такую вот дивную историю поведали малому княжичу.

После крестного целования владыка новгородский благословил Ярослава на княжение. Теперь князь утвержден к власти своей, «поставлен» судить и править.

Править в Новгороде в те времена было делом многотрудным. Вот и Ярослав, едва утвердившись, тут же собрался в поход — на литовских князей, пограбивших Новоторжскую и Торопецкую волости. А едва решив военные дела на юге, устремился на север — помогать союзным финским племенам в борьбе с наседавшими на них шведскими феодалами. А потом запросил княжеской помощи дальний Олонец — и туда

тянулась шведская рука. Князь, снарядив экспедицию из судов-насад, ушел по Волхову в спокойное Ладожское озеро...

Завершив несколько неотложных ратных дел, Ярослав обратил княжеский свой взор на старинного новгородского соседа — горделивый Псков. Этому были свои причины. В то время явственно нарастала для Новгорода опасность немецкого вторжения. А Псков, расположенный бок о бок с прибалтийскими владениями немецких рыцарей, вел политику неустойчивую и боязливую, пытался заигрывать с рыцарством. Словно не знали псковские бояре, что дело это безнадежное, — рыцари не играют в политику, не жалеют слабого и уважают только силу. А коль нет силы, им противостоящей, исход всегда один — покорение не устоявшего перед натиском.

Сначала Ярослав имел вполне мирные союзные намерения, поскольку издревле дружили два русских города — Новгород и Псков, некогда даже одну землю составляли их владения. Заготовив подношения псковскому именитому боярству, князь отправился во Псков, намереваясь повлиять на бояр, укрепить их в союзе с Новгородом против внешних противников.

И тут стерегла его неожиданная неудача! Слух о поездке опередил Ярослава и прилетел в Псков искаженным и злобным. «Не с добром едет князь новгородский! — горланили на псковских улицах — то ли по своей глупости, то ли подкупленные кем смутьяны. — Везет князь в сундуках оковы тяжкие и прочные — всех псковичей заковать желает!»

Подъехав к Пскову, Ярослав обнаружил, что все городские ворота заперты, а над городом висит сторожкая тишина, — он словно к осаде изготoвился.

Оскорбленный князь повернул коней. На вече, собравшемся в Новгороде сразу после его бесславного возвращения, он еще раз громогласно изложил свои прежние намерения: «Ничего не замышлял я против псковичей злого! А вез им в коробьях дары — ткани дорогие и плоды многие! А они меня обесчестили!»

Честь для князя русского — выше жизни самой! Для горячего Ярослава это правило было непреложным. По гневному приказу княжескому полетели гонцы в родной Владимир. И скоро — не успели оглянуться медлительные новгородцы! — зацвели на Городище разноцветные шатры переяславских полков, призванных для отмщения за княжеские обиды и бесчестья.

Боярский совет, обеспокоенный перспективой кровавой борьбы с соседним городом, спросил у князя, для чего собрано столь большое войско. Ответ был краток: «Хочу на немецкую Ригу идти!»

Хитрость княжеская и неукротимая энергия его смутили боярство. Ведь замышляемый правителем поход — то ли против Риги, то ли против Пскова — мог сильно повредить боярству и купечеству, нарушив торговлю с балтийскими городами. Стали бояре искать, как князю «путь указать», избавиться от вспыльчивого и решительного Ярослава.

А тут еще Псков, прознав о приготовлениях, совсем отступился от Новгорода. Заключил союз

с Орденом, обещав не вставать на новгородскую сторону, коль затеют немцы войну. Мало того, пустил в город большой немецкий отряд, а сорок знатных псковичей в заложники отправил — в знак неколебимости новых намерений своих и верности новому договору с рыцарями.

Совершив сие неславное дело, отправили псковичи грамоту в Новгород. «В поход с вами не идем, — сообщали они вчерашним союзникам, — и братья своей не выдаем! А с рижанами мир взяли... А если вы нас замыслили, то мы против вас со святой богородицей!..»

Псковская грамота была по обычаю зачитана на вече. Боярство новгородское, размыслив, заявило Ярославу: «Без псковичей не пойдем на Ригу! А тебе, княже, кланяемся».

Тщетно пытался Ярослав переубедить боярский совет. «Много понуждал», — сообщает летописец; но «золотые пояса» твердили свое: не пойдем на немцев без Пскова. Широко задуманный поход, едва ли не первая серьезная попытка противостоять нараставшему немецкому давлению на русский северо-запад, неудачно закончился, даже не начавшись толком.

Переяславские полки поднялись и от новгородских стен ушли восвояси. На княжеском дворе тоже готовились к отъезду, грузили обоз. Разгневанный Ярослав оставлял Новгород. Правда, уезжала не вся княжеская семья. Сохраняя политические мосты несожженными, Ярослав оставил в Новгороде сыновей — Федора и Александра.

Так молодые княжичи впервые остались одни, без родительского надзора и защиты. На

них возложены были некоторые княжеские обязанности. Например, от их имени скреплялись княжеской печатью грамоты, составленные совместно с посадником.

Но оставались собратья в Новгороде недолго. События развивались в неблагоприятную для князя сторону. Лето и осень 1228 года выдались небывало дождливыми и холодными — «с середины августа наиде большой дождь, и лил день и ночь». На корню сгнили и хлеб, и травы, и «всякий овощ» на полях и огородах. «Ни сена добыть, ни нив возделать!» — горестно отметил летописец. Как это часто бывало в суеверные средневековые времена, стали люди роптать на правителей — вслед отъехавшему князю и сначала в спину, а скоро и прямо в лицо его союзникам, оставшимся в городе. Главным из них был владыка новгородский Арсений. В один из дней распаленная наговорами толпа изгнала его с владычного двора, что стоял рядом с Софией — «аки злодея вытолкали!». Перепуганный архиепископ укрылся в стенах Софийского собора, а оттуда при первой возможности бежал в один из монастырей.

Ближайшее вслед за этим время показало, что разгром владычного двора стал только прелюдией к широким волнениям. «Бысть мятеж в городе велик!» — отметила летопись. Разгромили и двор тысяцкого, и многие боярские хоромы. Перепуганная боярская верхушка послала за князем в Переяславль. Бояре князя звали назад, но при этом выговаривали условия для усиления своей власти — «поборы княжеские отмени, судей по волости тебе не слать!».

Взвесив все обстоятельства — неустойчивую политическую обстановку в Новгороде, попытки ущемления княжеских прав, разгром и смещение сторонников, — Ярослав ответил боярству отказом. После этого разрыв с Новгородом стал окончательным. Князь сразу же приказал тайно вывезти из города сыновей. Темной февральской ночью 1229 года их вывезли во Владимир.

Боярская интрига, на руку которой сыграло вспыхнувшее недовольство новгородских «черных людей», взяла верх. Неудобный боярству князь был исторгнут из новгородского лона, казалось бы, окончательно. Стараясь прочнее закрепить успех, бояре на другой же день после отъезда княжичей кликнули народ на вече. На нем вся история была преподнесена в выгодном боярству свете. «Кто злое замыслил против святой Софии, тот и бежал! — кричали подкупленные богатеями горлопаны. — А мы их не гнали!.. А князю мы не причинили никакого зла! И пусть им будет бог и крест честной, а мы себе князя промыслим!»

Однако боярское «промысление», выполняя которое они скоро пригласили в Новгород одного из черниговских князей, к успокоению не привело. Неурожай повторился и в 1229-м, и в 1230 году!

Голодный мор косил жителей как траву. Множество истощенных людей умирали по дворам большого города, а то и прямо на улицах. Мертвых — их были многие сотни, а то и тысячи — свозили и хоронили в одну «скудельницу» — большую яму у церкви двенадцати апостолов. Доведенные до крайней черты, «чер-

ные люди» собирали по лесам мох, листья, кору и корни. Обезумевшие от голода, бедняки ели падаль и мертвечину. Обнаружились и случаи людоедства.

Нараставшая волна отчаяния скоро смела всех правителей, пришедших на смену Ярославу и его сторонникам. Снова полыхали пожары — «черный люд начал богатых людей хоромы зажигать, где могла быть рожь, и забирать имение их...». Все это еще больше умножило охватившее Новгород «братоненавиденье». Сторонники Ярослава, решив положить конец нескончаемой смуте, направили послов в Переяславль — просить князя вернуться.

На этот раз Ярослав не раздумывал. Взяв с собой сыновей, он поспешил в Новгород, где принес новую присягу великому городу. Признал власть князя и принял его наместника и своенравный Псков.

Ярослав пробыл в Новгороде недолго. Через две недели позвали его дела во Владимирскую землю. Он отбыл туда, оставив в Новгороде полновластных наместников — княжичей-сыновей Федора и Александра.

Грустный вид открылся княжичам, когда они объехали город. Куда ушла былая радость! И удаль новгородская нигде не проглядывала. И торговая сметка пропала с глаз долой, не угадывалась на едва теплившемся торговище.

Новгород 1230 года являл собой картину трагическую. «Горе и печаль на улице!» — отмечал один летописец. «Скорбь друг с другом, — вторил ему другой. — На унылых улицах проезжий мог встретить лишь «детей, плачущих хлеба,

а других умирающих». Тяжесть народной жизни, пожалуй, впервые открылась в это лихолетье Александру со всей своей кричащей и плачущей обнаженностью и остротой. Потрясение подорожка картины новгородского «глады великого» остались в душе до конца дней.

К этим глубоким переживаниям добавились скоро политические тревоги. Вновь заколебалась в Новгороде Ярославова власть. Черниговские князья задумали посадить здесь своих сторонников и сумели однажды неожиданным штурмовым ударом боярских отрядов захватить Псков, пленить и заковать в цепи княжеского наместника. Вслед за этим и в Новгороде стали тлеть-разгораться угли нового мятежа.

Юные княжичи, конечно, не могли разобраться в критической обстановке и совладать с ней. Из Переяславля спешно прибыл отец. Быстро утихомирив Новгород, он послал гонцов во Псков с требованием освободить наместника. Но псковские бояре и черниговские правители ответили отказом. Ярослав собрался было пустить в ход военную силу, но один опытный княжеский муж подсказал ему другой путь — запретить новгородским купцам возить в Псков соль и торговать там ею! А своих соляных промыслов на Псковщине не было. Цена на соль подскочила, город заволновался, и через несколько месяцев упрямое псковское боярство запросило княжеской милости. Пришли псковские послы, склонили головы перед Ярославом: «Ты наш князь, присылай наместника». Так кончилась еще одна феодальная усобица — постоянные их судороги не давали Руси покоя.

Смерть брата

ремя текло, убыстряясь. Княжичи подрастали. На лето 1233 года была намечена свадьба старшего — Федора. Ему было 14 лет; по меркам того времени, он достиг совершеннолетия, уже участвовал в походах — вступал в круг обычной княжеской жизни.

В жены ему была избрана черниговская княжна Ефросинья — этот выбор позволял Ярославу замиритесь с могущественным Черниговским княжеством.

Но сыграть свадьбу не суждено было. Юный Федор умер буквально накануне торжества. «Кто не пожалеет о сем! — воскликнул летописец. — Свадьба пристроена, меды изварены, невеста приведена, князи позваны... И вместо веселия — плач и сетования!»

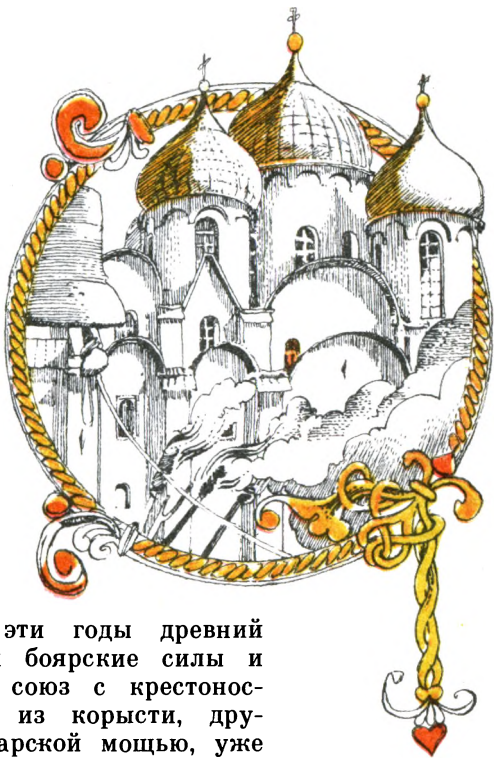
Кончина любимого брата не только потрясла душу Александра, но и бесповоротно и решительно изменила весь строй его жизни. Теперь он был старшим наследником в княжеской семье. Отец стал относиться к нему иначе — начал больше требовать от учения, а учить княжича стали серьезнее. Военное ремесло стало ежедневным делом. И уже не былинные рассказы преобладали в строгом учении — то грамоты договорные читали юному князю, то объясняли сложные отношения Владимирской земли с другими русскими княжествами и порубежными странами.

На границах русских в ту пору то тут, то там вскипали обжигавшие Русь волны вторжений. На юге дальняя степь клубилась облаками пыли, взбитой копытами тысяч и тысяч низкорослых косматых коней, на которых крепко сидели ловкие нукеры Батые. Волна ордынского нашествия уже поднялась в глубине азиатских просторов и неотвратимо катилась в сторону Руси.

А на западе все чаще звенел на русских границах немецкий рыцарский меч. Закрепившиеся в покоренной Прибалтике рыцари намеревались двигаться дальше, вдохновляемые римским папой на новые и новые подвиги во имя истинной католической веры.

Именно их военное давление поколебало в эти годы древний Псков. Появились в нем боярские силы и партии, выступавшие за союз с крестоносным рыцарством, — одни из корысти, другие из страха перед рыцарской мощью, уже согнувшей в рабское состояние многие прибалтийские племена — эстов, ливов, куршей, пруссов...

Боевое крещение

ападный рубеж более всего беспокоил ныне князя Ярослава. Отец Александра, пожалуй, первым из русских князей во всей полноте осознал возросшую опасность упорных орденских поползновений. Именно этим в первую голову объяснялась его твердость и настойчивость в отношениях с Псковом, постоянное внимание к западной границе, куда не раз он ходил то с малой, то с большой дружиной.

Однако полумеры не приводили к желаемому замирению противника. И Ярослав стал готовиться к большому походу, который, по его мысли, должен был надолго, если не навсегда, остановить орденское продвижение в русские пределы. Ярослав убедил в серьезности положения своего брата, великого князя Юрия Владимировича.

В 1235 году тот поставил под стяг Ярослава чуть не все владимирские полки. Ярослав, не мешкая, выступил с ними в Новгород, где к нему присоединились рати из ближних и дальних новгородских волостей.

Это был первый серьезный поход, в который пошел и пятнадцатилетний Александр. Зимний переход в сторону сильно укрепленного Дерпта был труден. «Повоевав» окрестности, русские вынудили рыцарство выйти из крепости для открытого боя. Сшибка с рыцарями произошла

на берегу небольшой реки. Рыцарский клин рассыпался, ударившись о кремень выстроенных в боевой порядок полков. Часть рыцарей была перебита, а основную массу новгородцы и владимирцы потеснили с берега на некрепкий лед. И «тут обломился лед, и погибло их много», — сообщает летопись.

Победа была полной. Этот крупный русский поход сильно впечатлил и рыцарство, и католических епископов. Почти вслед за русским войском прибыло в Новгород немецкое посольство. Новгородцы продиктовали послам условия мира «по правде своей». На какое-то время обстановка на западных рубежах была стабилизирована.

Этот поход много дал молодому Александру. Он увидел и русских дружинников и тяжеловооруженное рыцарство в настоящем боевом деле. Познал тонкие приемы полевого боя, которые позволили отцу одержать внушительную победу, почти без потерь в своем войске. Те воинские секреты, которым уже не один год учил его отец и многие дружинники, открылись ему с практической стороны, и он постиг их жизненно высокую цену. А главное — в своем первом сражении Александр глубоко прочувствовал те опасности, которые несет Руси наседающее на ее западные рубежи рыцарство. Поход стал для него важным уроком, наукой на всю жизнь. Он крепко понял, что должен делать князь для родной земли.

За первым походом последовали другие. Жизнь стала беспокойной, сила быстротекущих обстоятельств все глубже и глубже вовлекала

княжича в военный дружинный быт. Отражая постоянные набеги — то орденских немцев, то «хороброй Литвы», то неукротимых свеев, — княжич быстро мужал. Он завоевывал уважение дружинников — и молодых, и бывалых. Его хо-

рошо знали новгородские жители и тоже уважали — за прямоту, за смелость, которая сочеталась с рассудительным — не по годам — умом.

Так прошел год. А в следующем году княжеская судьба позвала Ярослава на киевский престол, который считался на Руси одним из самых почетных. Перед уходом он приказал созвать народ на вече, где объявил об отъезде. Свой княжеский меч — символ власти — Ярослав Всеволодич принародно передал Алек-

сандру. Шестнадцатилетний княжич принял оружие из рук отца и принес присягу, став князем-наместником новгородским.

Для него начиналось новое время. Теперь не будет рядом крепкого отцовского плеча, не будет его рассудительных советов. Во всем нужно опираться только на себя. Наступала пора сурового самостоятельного мужества.

Господин Безикий

Тайна городского имени

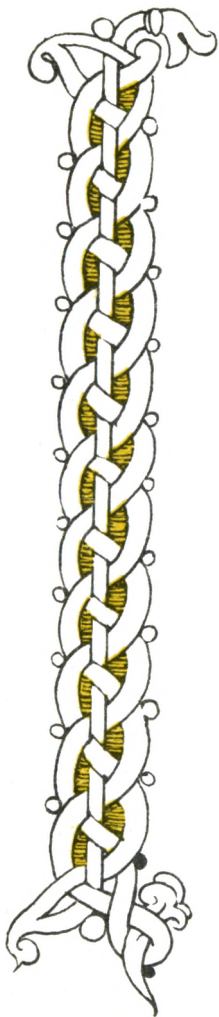

ордое имя свое — Господин Великий Новгород — этот город получил не сразу. В конце I тысячелетия Новгород был еще сравнительно небольшим и подчинившим себе лишь самую ближ-

нюю округу центром.

Когда он возник и почему получил название «Нового города»? И где же был (если был) «Старый город», по отношению к которому Новгород был молодым и новым? Имя города несет в себе эту загадку, и она уже не один век волнует умы ученых и любителей старины. Высказано немало предположений, но догадки эти то с одной, то с другой стороны оказывались слабо доказанными, рождали новые сомнения и новые споры.

Думали, например, что Новгород был «новым» по отношению к Старой Руссе. Но быстро выяснилось, что она, во-первых,

и Старой-то стала после того, как появилась Новая Русса. А во-вторых, — и это главное! — самый древний культурный слой отложился здесь лишь в XI веке, когда Новгород уже был известен во многих странах.

Говорили, что предшественник Новгорода — это Старая Ладога. Археологически она действительно древнее Новгорода, в остатках ее первых построек найдены бревна середины VIII века! Но «Старой» Ладога стала называться тоже недавно — после появления Новой Ладоги.

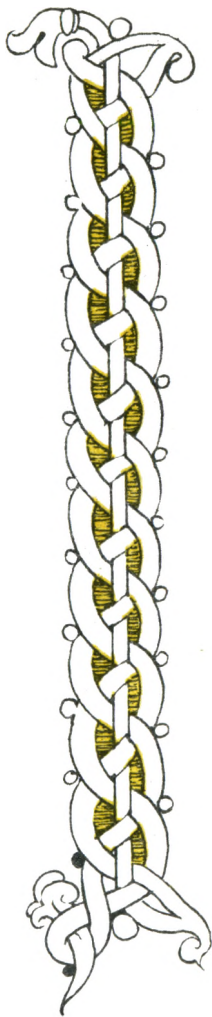
И само существование таких пар: Старая Ладога — Новая Ладога, Старая Русса — Новая Русса — говорит о том, что «новые» города возникали совсем рядом со «старыми», как бы в противовес им получая свои названия.

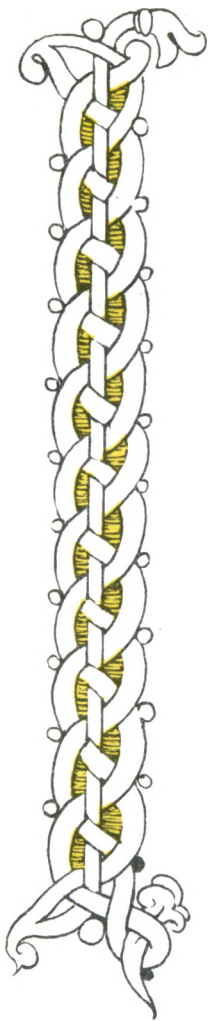
Поиски разгадки продолжались. Ученые доказали, что первоначально на месте Новгорода располагались три отдельных неукрепленных поселка, и лишь потом на территории нынешнего кремля появилось небольшое укрепление — детинец. Кто построил его? Может быть, жители этих трех поселков? Построили и стали называть крепость «Новым городом» в отличие от старых поселков. Как будто логично. Правда, почти сразу родились новые сомнения. Ведь «город» в Древней Руси — это всегда укрепленное поселение, окруженное стеной или валом. «Город» огораживали бревенчатым частоколом, насыпями, стенами... Если старые поселки не были укреплены — а следов укреплений не найдено, — то они и «городами» прозываться не могли. А коль не было «старых» городов, то откуда «новый»?

Поиски «старого» города привели археологов к истоку Волхова, берущего начало в Ильмень-озере. Здесь расположен большой холм, издревле прозванный Городищем. «Городище — место, где когда-то стоял город, который оказался по каким-то причинам заброшенным». Потом он мог заселиться вновь, но возникшее название — Городище — почти всегда сохранял. И действительно, летописи XII—XV веков упоминают Городище как резиденцию новгородских князей.

А недавние раскопки обнаружили на Городище под Новгородом слои IX века! Есть надежда, что будут и новые, более древние, находки. Так может, это и есть растворившийся во тьме веков «старый» город, предшественник возникшего чуть ниже по течению Волхова Новгорода? Может быть. Во всяком случае против этой версии возражений гораздо меньше, чем против других. Более того, нашлось одно интересное подтверждение в скандинавских странах. Они часто и упорно Новгород именуют «Хольмгард», что означает «город на острове». Но ведь Новгород-то расположен на берегу реки! А вот Городище находилось как раз на острове! Не перешло ли в сагах древнее название «город на острове» на вновь отстроенный Новгород, по мере того как Городище превращалось в княжескую резиденцию? Тоже может быть.

Но зачем нужно было рядом со старой крепостью строить новую? Зачем тратить на это огромные силы и средства? Пытаясь ответить на этот вопрос, мы сталкиваемся с интереснейшим

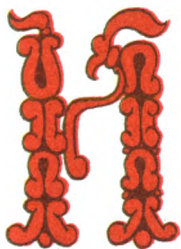

и еще не до конца понятным феноменом русской средневековой жизни. Оказывается, подобные случаи переноса городов в ту эпоху были далеко не единичными исключениями. Такие же пары городов («старый город» — «новый город») найдены археологами в районе Смоленска, Переславля и других городов.

Как правило, новый укрепленный центр возникал совсем недалеко от старого. В этом просматривается большая жизненная целесообразность: между центрами сразу возникали оживленные хозяйственные связи, что помогало новому центру. Горожанин мог утром направиться из одного старого города в новый (и наоборот) продать или купить товар, сделать иные дела и еще засветло вернуться домой.

Но коренная причина появления таких городов-братьев, видимо, кроется в борьбе отмиравшего племенного начала и народившейся феодальной, чаще всего княжеской, власти. Их противоборство и вело к тому, что рядом со «старыми» племенными центрами — их иногда называют «протогородами», предшественниками феодальных городов, — возникали, росли, крепли и в конце концов даже заглушали прежние центры новые, уже феодальные города. Будущее было за ними.

Как бы то ни было, Новгород родился и пошел в рост. Первые полтора-два столетия он оставался еще небольшим, целиком поставленным из дерева городком. В середине X века его замостили. Деревья для древнейшей из найденных деревянных мостовых срублены в 953 году.

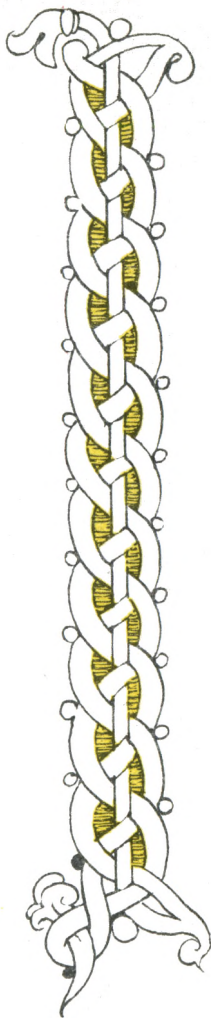

Становление града

Новгород обосновался сразу на обоих берегах Волхова. Это редкий для средневековья случай — обычно град строился на одном, высоком, берегу. Три поселка стали потом, после слияния в одно целое, именоваться концами. На Торговой стороне рос и строился Славенский конец. На Софийской стороне множились избы в Неревском и Людине концах. Здесь же высились и деревянные стены первого новгородского детинца. Еще одно небольшое укрепление — княжеский двор — появилось на Торговой стороне, недалеко от сохранившегося доныне Никольского собора.

В XI веке появились в городе первые каменные сооружения. Сначала это были храмы, и лишь позднее начали постепенно одеваться в камень городские укрепления. Артели мастеров каменного дела непрерывно вели свою многотрудную работу — заканчивали одно сооружение и сразу начинали следующее. Одна за другой возносились над городом главы церквей, издалека видимые, все время напоминавшие средневековому человеку о боге.

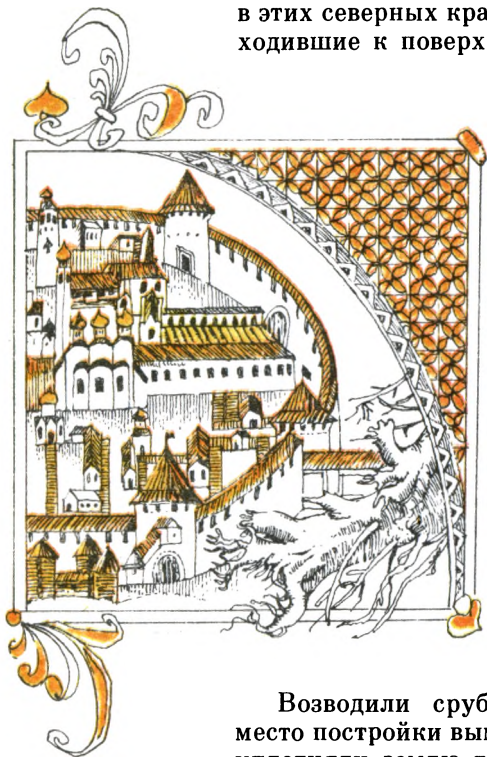
Каменные утесы храмов прочно стояли среди сотен и тысяч низких деревянных строений. В отличие от южностепных русских сел и городов, где главным видом жилища в древнюю пору были вросшие в землю полуземлянки, Новгород был уставлен добротными и разнообразными

срубными строениями. Причиной такого различия служило, во-первых, обилие строительного леса. А во-вторых, зарываться в землю в этих северных краях не позволяли близко подходившие к поверхности грунтовые воды, чего не встречалось на сухом степном юге.

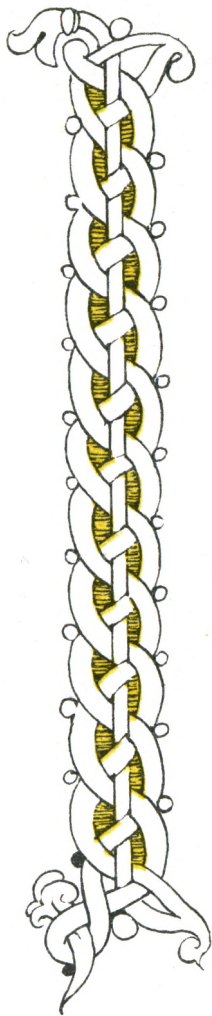
Избы были намного просторнее полуземлянок — четыре метра на пять, часто и пять на шесть. Попадались и вовсе огромные хоромы — восемь метров в длину и семь в ширину! А один из срубов, найденных археологами, сложен из цельных бревен четырнадцатиметровой длины! Деревья для таких домов выискивались в ближних и дальних лесах и большими крестьянскими трудами свозились в город, на место постройки.

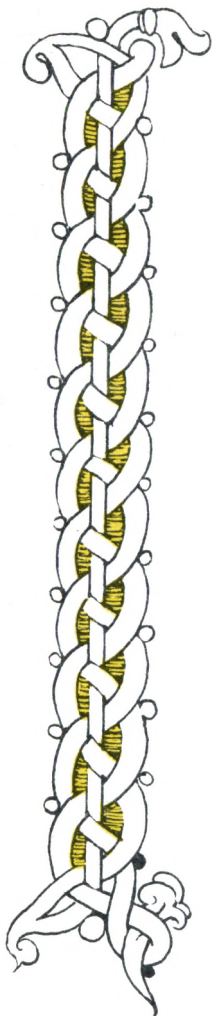
Возводили сруб, предварительно укрепив место постройки вымосткой, для чего тщательно уплотняли землю тяжелыми трамбовками. Основной способ соединения бревен сруба назывался «в обло». Он и сейчас встречается в старых постройках — удачным оказалось это народное изобретение.

Сырая почва заставляла устраивать в доме деревянные полы. Здесь нельзя было, как на юге, обойтись утрамбовкой глинистого грунта внутри помещения. Полы составлялись из толстых тесаных плах, которые укладывались на поперечные бревна. Пространство между полом и землей способствовало сохранению тепла. Кроме того, этот подпол стали использовать для хранения вещей и припасов. Потом стали пол поднимать еще выше от земли, закреплять поперечные бревна, на котором лежали плахи на пятом, шестом, а то и десятом венце сруба. Подпольное помещение получалось сравнительно высоким и вместительным. Это было очень удобно в хозяйстве. Теперь, например, зимой, не приходилось выходить на холод, бежать в амбар или клеть за какими-то припасами. Кроме того, это большое помещение, его стали звать «подклеть», защищало жилую часть от земляной сырости и холода. А чтобы еще лучше защититься от северных неудобств, снаружи вокруг сруба устраивалась завалина. В полуметре от избы по периметру укладывались бревна. Пространство между ними и стенами засыпалось глинистой землей и уплотнялось. Дождевая вода стекала по таким завалинам в сторону от жилища.

В северной стороне зимой никак не обойтись без обогрева. Поэтому в каждой избе была печь. Она и согревала дом, на ней и пищу готовили. А если хозяин владел ремеслом, для которого нужен огненный жар, то печь и ремеслу служила — плавили в ней легкий металл, размягчали стекло, лили воск, обжигали глиняную по-

суду. Поэтому печи по устройству бывали разные; каждый делал такую, какая ему нужна.

Труб над печами тогда еще не ставили, топили по-черному. Дым поднимался вверх, отдавал тепло стенам и выходил наружу через дымовое отверстие в крыше и маленькие оконца в верхних венцах сруба. Натопив избу и дождавшись, пока выйдет последний дым, окошки и отверстие в крыше закрывали.

Дым слыл большим неудобством зимней жизни. «Горести дымной не терпев, тепла не видати!» — восклицал один древний автор. Чтоб уменьшить эту напасть, новгородцы стали строить избы повыше — три-четыре метра от пола до крыши. Дым в таких строениях поднимался высоко вверх, а внизу воздух оставался почти чистым. К ночи верхняя часть избы, где располагались полати, хорошо прогревалась. Тогда прекращали топить, дым выходил — на теплых полотах укладывались спать. А днем жизнь шла вниз, куда все время поступал свежий воздух с улицы.

Здесь внизу шла постоянная трудовая жизнь. Женщины работали по дому, ткали, шили, готовили еду. Дети помогали взрослым. Мужчины-хозяева делали всякий свою работу — кто торговые дела готовил, кто ремесленным трудом занимался — мастерская чаще всего располагалась здесь же, в жилище.

Мастеров в городе жило очень много. Ремесло новгородское отличалось разнообразием, высоким качеством изделий. Слава о нем расходилась по всем концам Руси, да и за границей новгородские поделки знали и ценили.

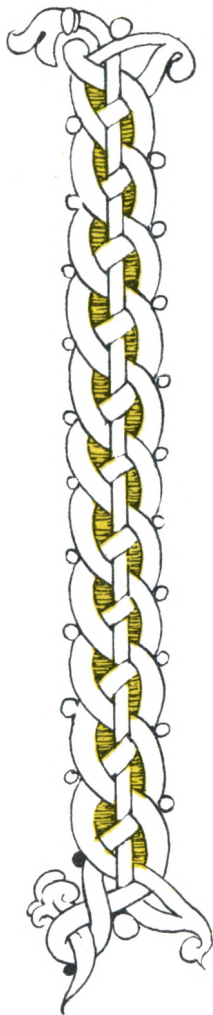
Самым распространенным и главным материалом новгородским ремесленникам служило, естественно, дерево. Из дерева строили крепостные укрепления и храмы, избы и клетки, амбары, сараи, бани. Деревянными заборами-тынами обносили усадьбы. Бревно к бревну выкладывали мостовые, на старый ряд, ушедший в землю, раз за разом накатывали новый. Деревянные корабли стояли у деревянных причалов. По деревянным сходням катили деревянные бочки, закатывали их под деревянные навесы, грузили на деревянные телеги.

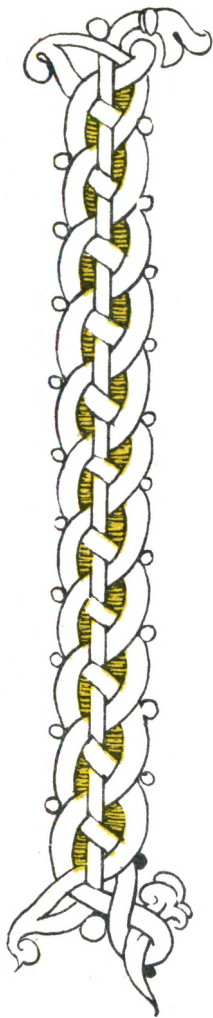
Внутри домов, богатых и бедных, большая часть изделий тоже была деревянной: лавки, столы, полаты, кадки, сундуки, туеса, кружки, ложки...

Дерево мастера различали по множеству пород, каждая из которых годилась для определенных целей. В дело шли ель и сосна, дуб и привозной самшит, береза и лиственница, яблоня, можжевельник, липа. Причем использовалась не только древесина, но и кора, а особенно широко береста.

Почти каждое изделие, вышедшее из-под инструмента хорошего мастера, имело элементы художественного оформления. Всякий мастер стремился не только устроить жизнь, но и украсить ее. Украшались дома резными колонками, наличниками, коньками. Украшались корабли и крепостные ворота. Затейливая резьба вилялась по ручкам ложек и ковшей, рукоятям ножей, мечей, по корыбам и туесам.

Особо уважали в Новгороде огненных мастеров, знавших толк в плавке и литье металлов,

кузнечном деле. Всякий металл шел в дело, находил свою форму в нужных изделиях — крепкое железо и мягкий свинец, холодное серебро и слепящее золото, скромная медь и податливое олово.

Кузнецы изготавливали такое множество изделий, что и не перечислишь: от хитроумных замков до крепких насошников, от иголок до мечей.

Кузнецы по злату-серебру во множестве мастерских ежедневно лили, ковали, чеканили, гравировали, штамповали, колдовали над сканью-филигранью и эмальями. Пожалуй, больше всего изготавливали женских украшений: перстни, медальоны, височные кольца, колты и рясна, браслеты и привески, амулеты и фибулы, пряжки, заколки, булавки и цепочки — всего не перечесть.

Много трудились мастера по церковным заказам: чеканные оклады для икон, сосуды для церковных благовоний, кресты-энколпионы, нательные кресты и змеевики. Змеевиками называли специальные подвески, на одной стороне которых изображали святого покровителя — Георгия Победоносца, архангела Михаила, Христа или Богоматерь, а на другой — голову Медузы с двенадцатью змеями вокруг.

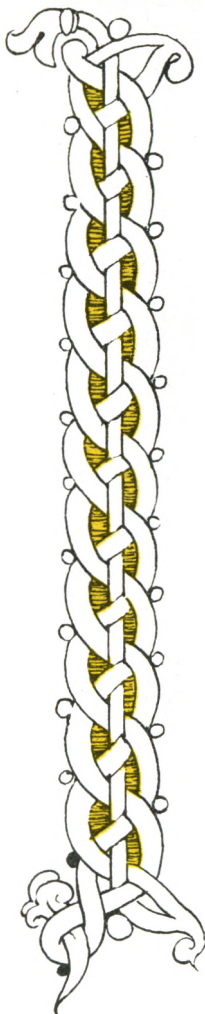
Кроме металла для мелких поделок широко применялась кость. Из нее делали гребни и расчески, ручки ножей, иглы, кресты, иконки, ложки, ножны. Кость шла в дело самая разная — кости коров и лошадей, рога оленей и лосей, быков и туров. Особо ценился драгоценный «рыбий зуб» — моржовая кость, которую привозили со Студеного моря.

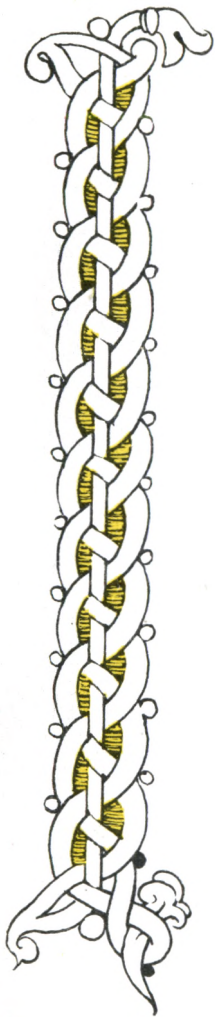
Работать с костью было непросто. Ее долго вываривали в щелоке — до полного размягчения. А потом распиливали на пластины, зажав в тиски, выпрямляли и затем резали разные поделки, украшали их орнаментами. Особенно любили изображать «лютого зверя», драконов и других восходивших к языческим временам персонажей. Любое изделие из кости обязательно украшалось затейливой резьбой — красоту ценили.

Много было в городе и каменных дел мастеров. Целые артели откалывали, тесали камень и обжигали кирпич для храмов, украшали здания затейливым орнаментом. Художество тесно сплеталось со строительством. Камень шел — розовый шифер, желтый известняк — и на мелкие поделки: иконки, кресты, пряслица, шахматные фигуры. Из камня резались и самые разные литейные формы, потребные тем, кто занимался литейным ремеслом.

Широко использовалась для многих целей обожженная глина. Из нее делалась едва ли не большая часть посуды; соперником здесь было лишь дерево, так как дорогой металлической посуды было немного. Из глины выделялось большое количество кирпича и изразцов.

Знали новгородцы и тонкое искусство стеклоделия. Из стекла выделяли дорогую посуду, но больше всего его использовали для изготовления украшений: браслетов, перстней, бус. Стекло для этого использовалось самое разное, всех цветов и оттенков, прозрачное и непрозрачное. А уж форм украшений — тех же бус и вовсе не перечислить. От простых круглых шариков

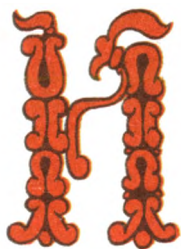
до затейливых оригинальных поделок, украшенных расписным орнаментом. Бусинка к бусинке составлялись нарядные ожерелья — мечта новгородских красавиц. К ожерельям добавлялись стеклянные браслеты — гладкие, витые, крученые, рубчатые. А к браслетам подбирались перстни сияющие. Зеленое, красное, желтое, черное, фиолетовое, синее и иной стеклянный блеск и сияние обильно украшали древнюю жизнь.

Много жило в городе кожевников. Тяжелый дух шел из их тесных мастерских. Кожевенное дело требовало силы, выносливости да и знаний немалых. А использовались кожаные изделия очень широко — здесь и мягкие башмаки, и сапоги, и женские полусапожки, и туфли, и детские тапочки. Обувь часто украшали вышивкой растительного орнамента или замысловатым плетеным узором. Кожаными были сумки и кошель, чехлы и ножны, рукавицы и ремни, колчаны, пояски, конская упряжь. Все это часто тоже украшалось и вышивкой, и тиснением.

В жизни каждого простого новгородца — независимо от того, был он ремесленником или мелким торговцем, — обязательным подспорьем служило сельское хозяйство. В каждом дворе был огород. В хлевах и загонах за домом содержались домашние животные. Все пространство вокруг города занимали большие и малые роспаш, луга и лужки, выгоны для скота.

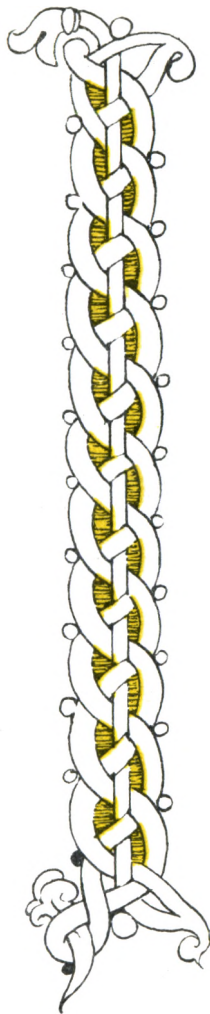
Но конечно, этот большой по тем временам град не мог сам себя полностью обеспечить хлебом и другими продуктами. Много хлеба поставляла в Новгород его сельская округа.

Сельская округа

овгород был центром огромного края — от моря до моря, от карельских болот до уральских отрогов. Еще на излете I тысячелетия нашей эры словене новгородские заселили местности по берегам Ильмень-озера, вдоль течения Волхова, Луги, Шелони, Ловати, Мсты и других рек. Свидетельства этого древнего славянского продвижения можно найти и на современной карте. Посмотрите, сколько малых и больших селений в Ленинградской и Новгородской областях одинаково заканчиваются на -ичи или -ицы. Боровичи, Молосковицы, Чирковичи, Зимятицы, Волковицы, Глобицы, Гостилицы, Домашковицы, Дятлицы, Конюховицы, Летошицы, Плещевицы, Робитицы, Смердовицы, Смолиговичи, Сяглицы, Терпилицы, Холоповицы, Яблоничи — не перечислить всех! Древность таких названий несомненна. В них явственно проглядывают древнейшие времена, когда в этих селах и весях жили патриархальные семьи. Отсюда, от этих первопоселенцев и остались названия, похожие на отчества, их называют патронимическими.

Это самые старые места славянских поселений в новгородской округе. Первопоселенцы ставили их на «диком лесу» — рубили избу, а иногда начинали с полуземлянки, ставили легкие хозяйственные постройки. Но главной работой, пожалуй, было даже не жилье, а хлеб-

ное поле. Откуда было взяться ровному полю в плотном северном лесу? Его нужно было создавать многотрудной работой, требовавшей напряженных усилий, умения и опыта. В ближней округе выбирали участок для подсеки. Подрубали на нем деревья, и они год сохли на корню.

Потом участок выжигали, выбирая нужное время, чтоб никуда не перекинулся злой огонь. Корчевали несгоревшие пни, рыхлили и разравнивали землю. Вся семья трудилась, не зная отдыха, с раннего света до поздних сумерек. Участок обычно был немалый: северная дерноватая земля не южный чернозем. Чтобы семью прокормить, большой клин нужен.

В темную от плодородного пепла землю ложились семена. Метали зерно — и для посева, и урожай — коробьями новгородскими. Велика была коробья — семь пудов зерна вмещала.

Долгое время в земледелии господствовали подсека и перелог. Освоенный земельный клин за несколько лет истощался, терял плодородие, и его забрасывали, распахивая новый участок.

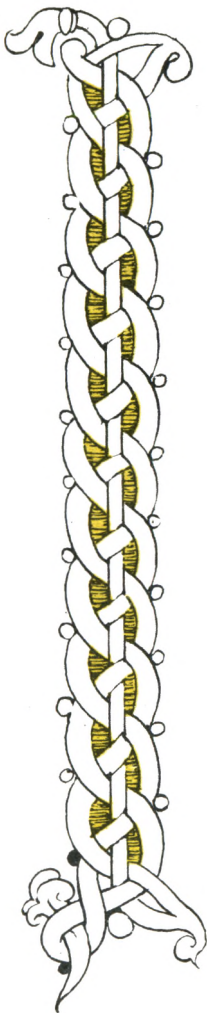

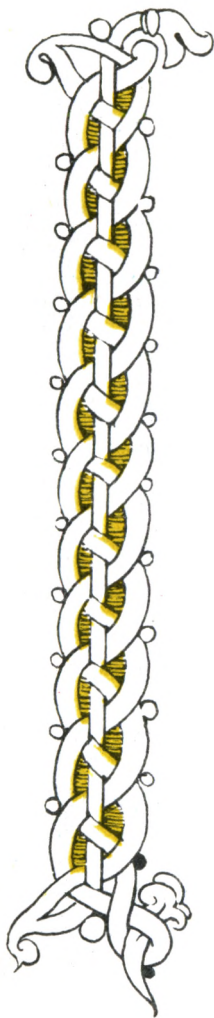
Труда на это уходило много, да и участок подходящий не всегда удавалось найти поблизости. Поэтому постепенно рядом с перелогом стало появляться более прогрессивное трехполье, которое не требовало постоянной расчистки все новых и новых пашен. Пахотная земля делилась на три равных поля — озимое, яровое и пар. Паровое поле отдыхало, восстанавливало силу. Озимое засевалось осенью — молодая зелень уходила под снег, а яровое — весной. Поля чередовались между собой, и это чередование позволяло сохранять достаточное плодородие почвы.

Посеяв хлеб, ждал земледелец урожая, не забывая других важных дел. Косил сено на заливных поймах, лесных полянах и прочих удобных и неудобных местах. Женщины и малые дети трудились на огородах, ухаживали за животными. В хозяйстве древнего новгородца были и лошади, и коровы, и овцы, и свиньи, и куры.

Земледелие и животноводство не исчерпывали хозяйственных забот русского крестьянина. Как правило, он был еще и неплохим охотником. Кабан и лось, заяц и хитрая лиса, лютый волк и могучий хозяин леса — медведь, стремительная утка и грузный гусь, драгоценный бобр и юркая белка — на всякую лесную живность умел охотиться древний обитатель новгородской земли.

Но и это не все. Богатство рек и озер служило еще одним важным полем хозяйственных забот. Простые и хитроумные снасти — от удочки до невода, от бредня до сложного заплота на реке — были в ходу у рыбаков. Рыба водилась самая

разная — от любимого князьями и посадниками нежного лосося, от знаменитого невского сига до мелкой мойвы, которую бочками солили на зиму.

И озером-рекой не замыкался круг хозяйства! Неотторжимой его частью был окружающий всякую деревню батюшка-лес. В нем рос и водился, не считая птицы и зверя, неисчислимый набор нужных для человеческой жизни вещей. Повсюду на Новгородчине собирали крепкие грибы, сушили, а иногда там, где соль в достатке была, солили. Ягода всякая тоже в запас шла: малина, брусника, клюква, черника, морошка, душистая земляника. Травы пахучие припасались для напитков и снадобий. Собирали в лесу в заветных местах дикий бортный мед...

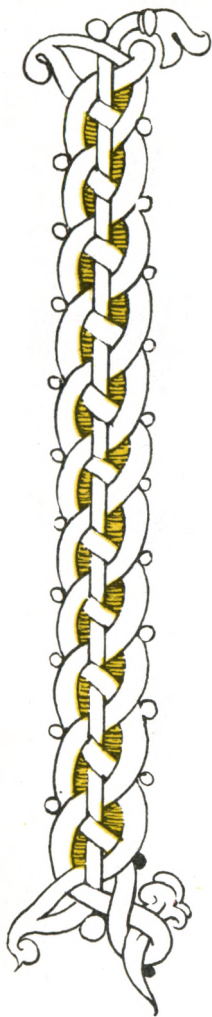
Лес дарил зимнее тепло — жаркие смолистые дрова. Лес давал бревна для избы, клетки, бани. Дарил бересту, из которой выделялись сотни предметов — от большого короба до малой кружечки. И еще многое-многое, от чего непростая крестьянская жизнь становилась легче и светлее.

Конечно, не крестьянин владел землями, лесами, озерами и реками, хотя во многих местах Новгородчины крестьянские общины имели значение немалое. Во все стороны от Новгорода тянулись нити могущественного влияния новгородских олигархов. Огромные волости принадлежали новгородским знатым фамилиям, тем самым, что господствовали в политической жизни Новгорода. Волости и волостки у многих были разбросаны по разным углам, дальним

и ближним. Презывая к себе крестьян, каждый владелец стремился, чтоб как можно больше принадлежавших ему земель вошли в прочный хозяйственный оборот, были заселены и освоены, давали доход. Поэтому нередко презываемому крестьянину на три, пять, а то и десять лет, если участок был дик и особенно труден для освоения, давалась льгота — освобождение от платежей.

Презывались обычно молодые семьи — «от отцов сыновья, от дядь племянники». Было весьма распространенным делом, почти обычаем — выросший сын уходил строить собственный дом-двор и свою жизнь. Взрослые сыновья крайне редко оставались с родителями, обычно уходили на новое место — иногда совсем рядом с родительской деревней, иногда в дальнюю волость, где основывали свою деревню-починок. Именно поэтому на Новгородчине было очень мало больших сел и деревень. Преобладали мелкие однодворные деревни. Семь-восемь из десяти наугад взятых тогдашних поселений наверняка оказались бы именно такими — один двор, один хо-

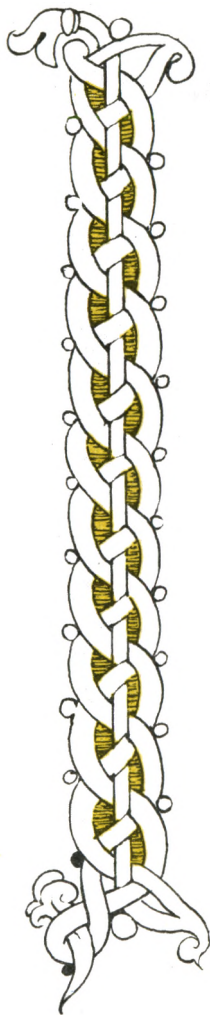
зяин. Сравнительно большими — в пять, десять, пятнадцать дворов — были лишь поселения, где процветал какой-нибудь промысел — соляной, железоделательный или жила дружная артель «рыбных ловцов».

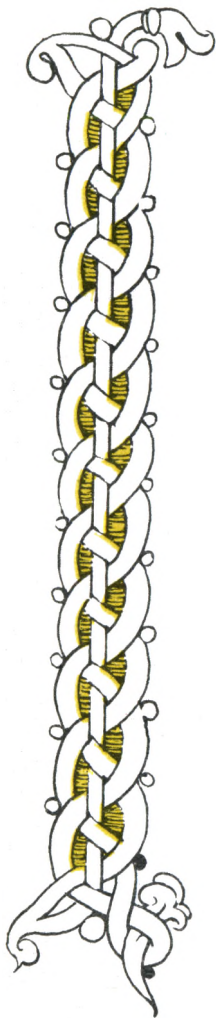
Переходы лично свободных крестьян из волости в волость, из села в село тоже были делом обычным. Они использовались крестьянами в борьбе за снижение оброков. Феодал знал: коль поднимет он платеж повыше устоявшейся «старины», то крестьянин уйдет в другое место. Нужда в крестьянских руках ощущалась повсюду, поэтому платежи постепенно даже снижались. Владельцу выгоднее было получать умеренный оброк со многих крестьян, а не разгонять их непосильными поборами, рискуя «запустошить» свои деревни, ведь крепостной неволи тогда не было, крестьяне-общинники умели постоять за себя. Место тяжелого «половья» — половины урожая в пользу владельца — постепенно заняла треть. Потом появилась в оброках «четверть» и даже «пятина» из хлеба. А еще позднее издолье стало вытесняться точно определявшимся по договору-ряду оброком. «А дохода идет с той деревни — ржи 10 коробей, ячменя 10 коробей, овса 20 коробей, а денег — полтина новгородская. Да мелкого доходу 2 полти мяса, 4 барана, 2 чаши масла коровьего, 10 пятков льну, 2 бочки мойвы...»

Один за другим появлялись в разных концах Новгородского края все новые и новые починки. Они отстраивались, окружались расчищенными полями и лет за пять-десять превращались в крепкие деревни.

Постепенно оформилась и сеть более крупных территориальных центров-погостов. В каждом погосте было несколько десятков, а то и сотен мелких деревень. Сам погост бывал обычно более крупным, чем другие, поселением. В нем обязательно стояла церковь, рядом жил поп и другие церковные причетники. Нередко тут же помещался двор владельца ближней волостки, куда тот иногда наезжал из Новгорода. На погосте происходил суд, сюда сходились жители окрестных сел на местный торг. В самые древние времена погосты были местом сбора княжеских даней. Летопись упоминает о том, как легендарная княгиня Ольга «ставила погосты» по Луге-реке. По традиции на погост свозился боярский оброк из ближних деревень, и уже отсюда собранные запасы везли в Новгород.

Погостов было более ста. Они объединялись в крупные районы — пятинны. Пятин было пять, отсюда и название. На северо-запад от Новгорода, обнимая приневские земли и уходя в дальние пространства Карелии, лежала Водская пятина, получившая название от племени водь. Южнее ее располагалась Шелонская пятина, она именовалась так от реки Шелони. На восток от Водской пятинны тянулась обширная Обонежская пятина, обнимавшая Онежское озеро. За нею лежали новгородские владения, уходившие дальше на север, до самого Студеного моря, а на восток — до Урал-камня. К югу и юго-востоку от Новгорода располагались еще две пятинны — Деревская и Бежецкая. Здесь земли новгородские упирались во владения тверских князей.

Велика и обильна была новгородская земля. В отличие от балтийских торговых городов — знаменитого ганзейского круга, — Новгород жил не только торговлей. Он был столицей огромной феодальной республики. В пятинах и погостах, селах и сельцах, весях и починках новгородской земли растили хлеб и варили соль, добывали пушного и морского зверя, плавили железо, ловили рыбу и возделывали лен, разводили скот и гончарили, добывали мед на глухих бортных ухоях и промышляли мелкий жемчуг на северных реках. Торговля новгородская стояла на прочном и обширном хозяйственном основании. Земля новгородская жила, век от века расцветая.

Полтысячелетия просуществовала Новгородская феодальная республика — от легендарных драматических событий, связанных с вокняжением Рюрика в X веке, до присоединения к Москве в конце XV века.

Разнообразие и сложность новгородской жизни способствовали быстрому и широкому распространению грамотности. Долгое время считалось, что грамотных в Древней Руси было совсем немного, да и те сидели по монашеским кельям, переписывали церковные книги и летописи. Но открытие берестяных грамот опрокинуло эти представления. Огромная библиотека берестяных грамот каждый год пополняется десятком-другим новых находок и все больше расширяет наши знания о древней новгородской жизни. Среди авторов грамот есть дети, начинающие учить грамоту, есть крепстьяне дальних волостей, есть тороватые купцы,

а иногда и самого новгородского посадника строгие указания попадутся.

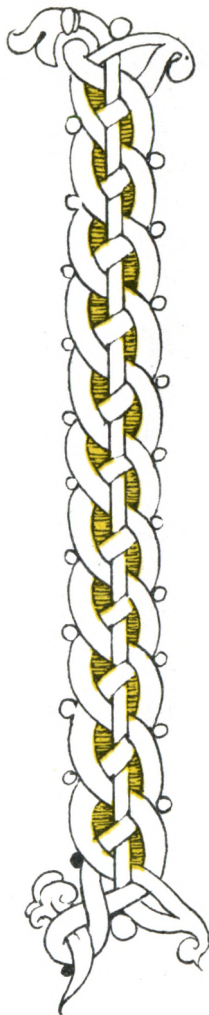
Сегодня уже не выглядит сказочным приукрашеном неторопливый былинный распев:

Будет Васенька семи годов —
Отдавала матушка родимая
Матера вдова Амелфа Тимофеевна
Учить его грамоте.
А грамота Василию в наук пошла!..

Скромная береста, рассеянная в многометровых толщах культурного слоя, доказала, что былина отразила обыденную норму новгородской жизни.

Широко распространившаяся письменность стала основой просвещения. Уже в 1030 году в Новгороде открылась по указу Ярослава Мудрого первая школа. Не случайно, думается, именно из Новгорода дошла до наших времен древнейшая из сохранившихся русских книг — драгоценное Остромирово Евангелие. Его создали по заказу посадника Остромира в 1067 году. Многие «писцы книжные» трудились в Новгороде, переписывали книги святы, составляли летописи.

«Чтение доброе» новгородцы ценили очень высоко, книга считалась великим сокровищем человеческой мудрости. «Велика ведь бывает польза от учения книжного! Книгами мы мудрость обретаем, это реки, напоющие вселенную. В книгах ведь неисчетная глубина!» Такое отношение к книге осталось у северных русских крестьян, потомков древних новгородцев, на века — и до сих пор бережно хранят в крестьянских домах, семьях старинные книги.

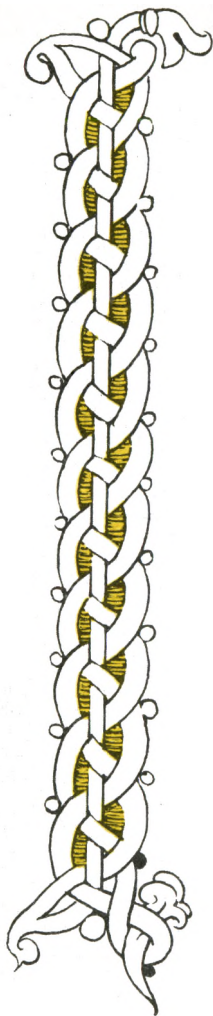
изнь Новгорода уже в те незапамятные времена была кипучей. Подходили к пристаням Торговой стороны суда из дальних европейских городов. Одни товары сгружали на деревянные причалы, другие грузили на корабли.

На княжеском дворе сновали дружинники — то готовились к походу, то спешили по княжеским поручениям — кто на север, кто на юг. Походы княжеские случались часто. То большие, то малые, дальние и ближние. По ближним волостям ходили за данью и припасами, по дальним владениям — в Поморье и Карелию, в земли ижорские, карельские, финские. И на юг не раз ходили военным походом, в дальние степные края, а то и за Русское море — в Константинополь.

Бывали и по-настоящему великие походы, эхо которых до сих пор отдается в пространствах истории. Одним из них стал совершенный в 882 году поход князя Олега, принявшего власть от легендарного Рюрика, из Новгорода на Киев. Итогом его великого предприятия стало объединение двух крупнейших восточнославянских племенных союзов. Ядром северного союза были словене ильменские, а южного — жившие вокруг Киева поляне.

882 год традиционно считается годом, когда началась история новой европейской страны —

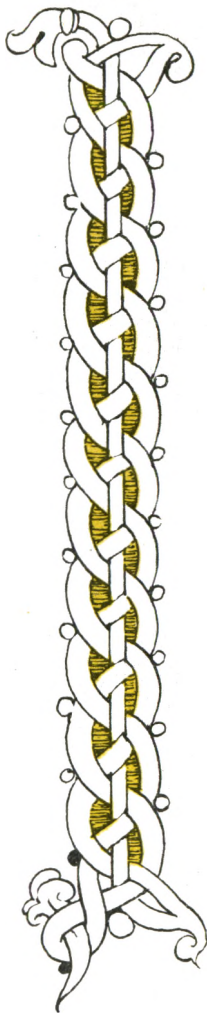

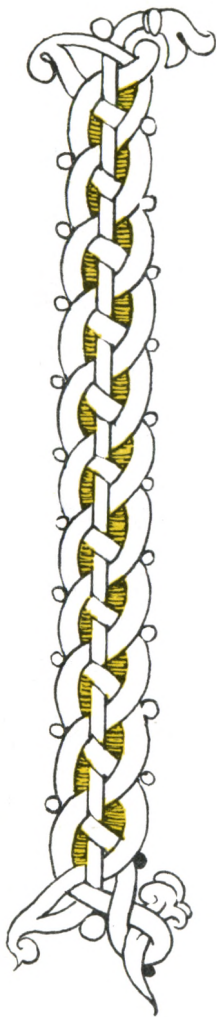
Древнерусского государства, столицей которой стал взятый Олегом Киев.

Но и после этого Новгород оставался очень важным центром Киевской державы. Новгородский престол считался почетным, его занимали обычно сыновья киевского князя. В молодые годы был новгородским князем Владимир Святославич — знаменитый князь, крестивший Русь. Его новгородское княжение было полно бурных событий. Править здесь Владимир начал еще при жизни отца, Святослава Игоревича, пославшего Владимира на Новгородское княжение вместе с многоопытным воеводой Добрыней.

После смерти отца между братьями-наследниками началась жестокая и кровавая усабица. Владимир почел за благо скрыться в Скандинавии. Лишь через несколько лет, набрав варяжскую дружину, он явился в новгородские пределы. Многоопытные в военном деле наемники помогли ему сначала утвердиться в Новгороде, а потом и Киев захватить. Расправившись с братом, Владимир стал великим князем киевским, оставив полюбившийся Новгород на попечение Добрыни, воспетого в древних былинах под именем Добрыни Никитича.

Сидя на киевском престоле, Владимир не забывал любимого северного града. Например, едва ли не насильно крестив Киев в 988 году, он уже в следующем году послал в Новгород епископа — грека Иоакима Корсунянина, по приказу которого были низвергнуты языческие боги Перун, Волос, Дажьбог. Новгородцы не сразу покорились новой вере и приняли ее. Многие

по-прежнему верили в волхование и древних богов.

Добрыня правил в Новгороде, покуда великий князь не прислал на княжение новгородское подросшего сына — Вышеслава. Однако тот пробыл здесь недолго — заболел тяжело и умер. После этого в Новгород был прислан другой сын Владимира — Ярослав, позднее прозванный в народе Мудрым. Правда, в молодые годы Ярослава отличала не столько рассудительность и мудрость, сколько непокорная решительность. В 1014 году он отказал стольному Киеву в выплате дани, которую северный град исправно платил столице каждый год — три тысячи полновесных серебряных гривен!

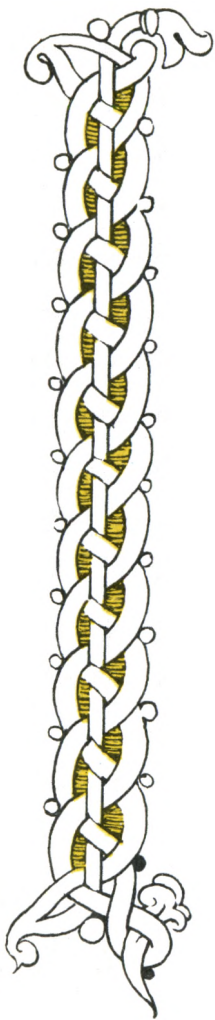
Отказ Новгорода выплатить дань стал первым звеном в цепи драматических событий в древнерусской политической жизни. Возмущившись отказом сына, Владимир Святославич стал спешно собирать войско для похода на север. Уведав об этом, Ярослав забеспокоился, видно, не ожидал столь быстрого киевского ответа. Своих сил у него было немного, но он нашел выход, вспомнив об отцовском опыте, — пригласил на службу буйную варяжскую дружину. Варяги с готовностью откликнулись, служба сулила выгоду и добычу. В начале 1015 года они явились в Новгород. Но скоро их разнузданное буйство — вели они себя как в завоеванном городе — разгневало новгородцев. Они терпели неделю, другую, третью, но в середине июля гнев прорвался наружу — в одну из ночей едва ли не большая часть наемников была перебита.

Ярослава эта расправа привела в бешенство. Он ответил новгородцам коварной жестокостью, вполне в духе раннефеодального средневековья. Пригласил знатных новгородцев, вдохновлявших варяжский разгром, на пир. Пир стал кровавым: в разгар веселья на знатных гостей кинулись княжеские дружинники с обнаженными мечами и копьями. Никто не уцелел, знать новгородская полегла на княжеском дворе.

Ослепленный яростью Ярослав думал, что утраты его отмщены. Но новый поворот судьбы в один миг сделал кровавое деяние совершенно бессмысленным. В ту же ночь, когда с княжеского двора еще не убрали убитых и не засыпали песком кровавые следы, прискакал на загнанной лошади гонец из Киева.

Родная сестра Предслава писала новгородскому князю, что отец их любимый Владимир Святославич умер негаданно, а в Киеве творится злая смута. Престол киевский захватил брат Святосполк. Возжелав править державою единолично, он убил уже трех братьев — Бориса, Глеба и Святослава!

Честолюбивый Ярослав опечалился письмом! Но огорчала не столько вероломная жестокость брата, сколько собственное бессилие в такой важный момент, из-за чего он не мог вмешаться в борьбу. Варяжская дружина полегла на новгородских улицах, а отношения с новгородцами достигли критического накала из-за резни на княжеском пиру. Что было делать? Кровь лилась и в Новгороде, и в Киеве, затмевала разум.

Лихорадочно поразмыслив, Ярослав решил сослаться именно на затмение разума. На другой день, пока не расползлись слухи, он собрал новгородцев на вече и обратился к ним со страстной речью. Летопись донесла до нас ее изложение. Ярослав говорил о любимой и честной новгородской дружине, которую иссекли вчера. «В безумии моем! — каялся Ярослав. — Не теперво ми их златом окупити!»

Следом за покаянием князь заговорил о киевских событиях — о смерти Владимира, коварстве воцарившегося там Святополка.

«Хочу на него пойти! — признался он новгородцам и тут же призвал их: — Потягните ко мне!»

Расчет оказался верен. Новгородцы, желавшие добиться свободы и избавления от тяжелой дани, сразу откликнулись на призыв. Вчерашняя распря заслонилась вспыхнувшей разбойной жаждой. В короткий срок была собрана мощная дружина. Скоро она выступила в поход, и в битве у Любеча Ярослав разгромил Святополка. Тот бежал в Польшу, а Ярослав вокняжился в Киеве.

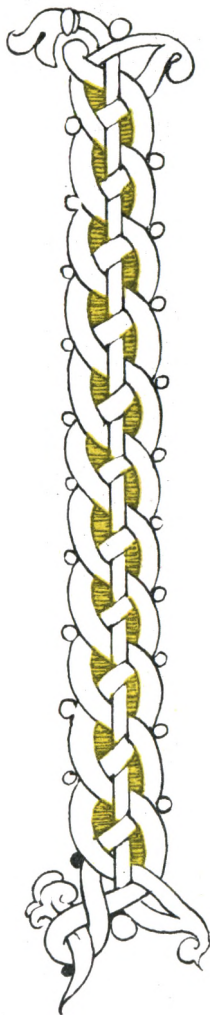
Два года прошли спокойно, князь упивался властью. Но вновь объявился Святополк, прозванный за убийство братьев Окаянным, привел с собой войско польского короля Болеслава. На этот раз воинская судьба не оказалась благосклонна к Ярославу — наголову разгромленный, он бежал с поля боя всего с четырьмя уцелевшими дружинниками.

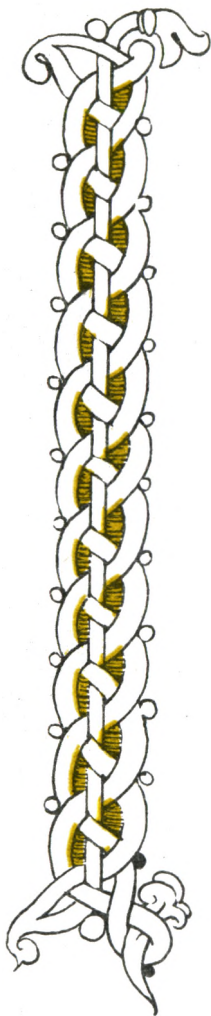
Новгородцы сочувственно встретили князя. Правда, он почти сразу стал собираться за море — в Скандинавию, за варягами-наемниками, с которыми намеревался вернуться для продолжения борьбы.

Новгородцы, однако, не приняли княжеского плана. Со свойственной им решительностью, они действовали резко и однозначно: порубили лады, на которых Ярослав собирался двинуться в свейскую сторону. Бояре и житыи люди собрали потребное серебро и снарядили дружину, набранную из новгородцев, оказавшихся в Новгороде варягов и воинов ближних племен.

Новое войско склонило весы политической судьбы в пользу Ярослава. В ожесточенном сражении на реке Альте он разбил Святополка Окаянного.

Ликованию князя, вернувшего себе киевский престол, не было предела. Он щедро одарил новгородцев — и не только серебром. Ярослав дал им «правду» и «устав» — законы, согласно которым должен был теперь жить Новгород. Это была древнейшая «Русская правда» — первый свод древнерусских законов. Скоро начали применять его по всем русским землям.

Ярослав и дальше не оставлял Новгород своими заботами. Посылал наместников-сыновей. Вместо сгоревшей деревянной Софии заложил Софию каменную — поныне стоящий на новгородской земле грандиозный храм, ставший символом Новгорода. С той поры стали говорить в народе: «Где святая София, тут и Новгород!»

София была центром древнего Детинца — крепости, защищенной земляным укреплением. Неправильной формы земляная дуга вала-гребля, достигшая пяти метров высоты, огибала Детинец и упиралась концами в берега Волхова. Когда-то был Детинец княжеской резиденцией, но в начале XII века князя вытеснил отсюда церковный владыка новгородский. Вольготно расположился в Детинце владычный двор, а сама София стала хранилищем новгородской казны, охранялась владычными людьми.

Со временем владыки еще сильнее укрепили Детинец. Новые стены и башни воздвиглись на старых насыпях. Через Пречистенскую башню шла из Детинца мощеная дорога к Большому мосту через Волхов. Через Спасскую башню ездили в Людин конец.

Новая София символизировала растущее могущество северного града. Новгород все прочнее утверждался как центр огромного края, который простирался до самого Студеного моря. Теперь многие племена были союзны или подвластны Новгороду — не только приладожская чудь, карелы, ижора, вдь, весь, но и дальняя лопь и югра...

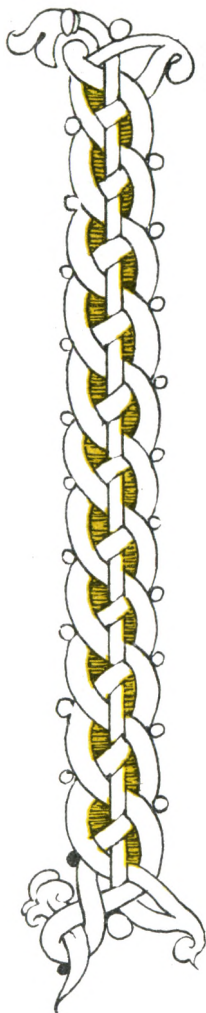
Прочный союз этих племен с ильменскими

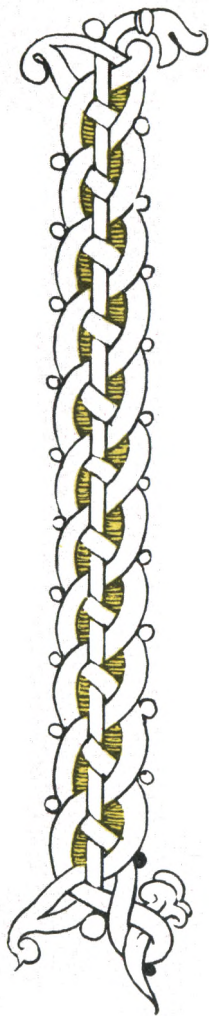
словами сложился в незапамятные времена, еще в конце I тысячелетия нашей эры.

Особенно важными для безопасности Новгорода являлись отношения с племенами води и ижоры. Водь обитала по берегам Балтики, примерно от устья реки Наровы до устья Невы. Этот угол новгородских владений до петровских времен так и назывался — Водская пятина. Основными занятиями води были земледелие, рыболовство и разнообразные промыслы. В курганах XI—XII веков найдено много серпов и кос, горшков с зерном — все эти важные вещи должны были пригодиться умершему в загробной жизни. Активно занимались вожане трудным железоделательным промыслом — добывали железную болотную руду, сушили и отжигали ее, выплавляли в маленьких домницах железные крицы — сырой металл, который кузнецы путем многих искусных проковок и закалки доводили до нужной твердости и прочности. Вожане активно торговали продуктами земледелия, рыболовства и промыслов — в Новгороде существовала купеческая «Водская сотня».

Водская земля стояла форпостом обороны Новгородского государства на западе и северо-западе. Именно вдоль балтийского побережья устремлялись в новгородские пределы крестоносные и иные «находники» — и с юга, и с севера Балтики. Не раз вместе с новгородцами вожане становились в боевой строй для отражения этих набегов. Центром обороны бывал обычно Корорский погост, позднее ставший сильной новгородской крепостью.

Ижорская земля простиралась вдоль левого

берега реки Невы. Она тоже издревле входила в обширную феодальную республику.

Характерно, что издавна племена ижоры и словен жили в мире, — неизвестно ни одного случая столкновений между ними. Наоборот, возникший союз со временем становился все прочнее. Общая земля — общая судьба, это правило стало простым и естественным законом отношений. Сближали ижору с новгородцами и общие опасности. Расположенная на пути «из варяг в греки» ижорская земля первой испытывала на себе тяжесть вторжений, которые часто совершались по невскому пути.

Разнообразные связи с другими частями новгородчины способствовали быстрому хозяйственному развитию ижорской земли. В XII—XIII веках здесь было хорошо развито земледелие и скотоводство, процветал рыбный промысел. Большие выгоды имели ижоряне от транзитной торговли по Неве и Ладоге. Ижорские лодочники занимались перевозкой товаров, знатоки-лоцманы водили суда по рекам и беспокойной Ладоге. Плата за эти труды выглядела по тем временам неплохой. «Нанятый на проезд по Неве вниз и опять вверх должен на харч получить пять марок кун или один окорок...» — записано в одном из древних договоров.

Трудолюбивое племя много работало на своей земле. Но созданное нелегкими народными усилиями, часто становилось добычей алчного чужеземного рыцарства. Иноземцы называли ижорскую землю «Ингрия» или «Ингардия». Имя это часто попадаетея и в папских буллах, и в рыцарских хрониках. Одна из них сообщает,

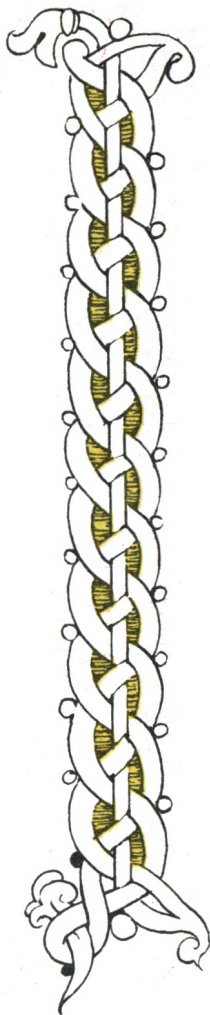
как в 1221 году немецкие рыцари «сделали далекий поход в землю, называемую Ингардия. Так как никакие известия их не опередили, они нашли эту область полной народом и нанесли ингарам тяжкий удар, перебили много мужчин, увели массу пленных; множество овец, быков и разного скота не могли захватить с собой и потому истребили».

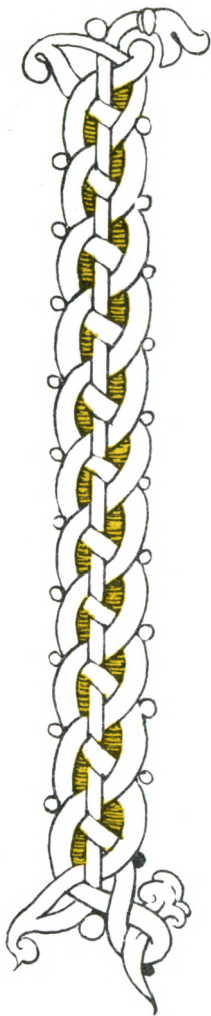
Такие тяжкие испытания заставляли постоянно заботиться о безопасности. В 30-е годы XIII века при князе Александре Ярославиче ижорцы создали по его поручению «стражу морскую», которая несла дозор на балтийской границе Новгородского государства, быстро оповещала князя о приближении врага. Теперь заставить ижорское племя и всю землю новгородскую врасплох стало намного труднее. О том, насколько своевременно была создана такая служба, свидетельствует история шведского крестоносного вторжения в 1240 году.

Все более обширными — великими — становились новгородские владения. Рос и сам город, который все чаще начинали именовать тоже Великим.

Но это гордое прозвище родилось не только из географических реалий. Великим Новгород сделала и та уникальная форма правления, которая утвердилась здесь. Постепенно Новгород стал из княжеского города центром феодальной республики. Уже в конце XI века здесь возникло выборное посадничество, чего не было ни в одной древнерусской земле.

Со временем утвердилось в Новгороде гордое и самолюбивое правило «вольности в князь-

ях». Состояло оно в следующем. Новгородцы заключали союз-договор то с одним, то с другим сильным князем — владимирским, черниговским, смоленским — и принимали к себе того или иного княжеского родича, чаще всего сына. С ним составляли ряд-договор, князь брал обязательство держать Новгород «по старине и без обиды», а в подтверждение «целовал крест на всей воле новгородской». За соблюдением этого простого, но строгого уговора новгородцы пристально следили, коль случалось, что князь его нарушал или чем другим не угождал городу, то правителя изгоняли — «указывали путь». Эта республиканская вольница покоилась на большом экономическом могуществе Новгорода и поэтому признавалась всеми русскими князьями.

А «путь указывали» князьям весьма часто. Если в других землях князья сидели по десять, двадцать, тридцать и больше лет, то в Новгороде смены шли куда как быстрее. За XII—XIII века на городском престоле побывали почти шестьдесят князей, в среднем по три-четыре года удерживались они у кормила новгородской власти. А иные лишь несколько месяцев умели высидеть на нетвердом, все время раскачиваемом буйным вечевым сбором престоле.

Но без князя новгородцы не мыслили себе жизни — князь был предводителем войска, представлял державу в дипломатических делах, был верховным судьей и издателем законов. Правда, многое было не в его власти: он не мог, например, скупать земли в новгородских волостях, назначать своевольно должностных лиц, вмешиваться в торговлю с ганзейскими горо-

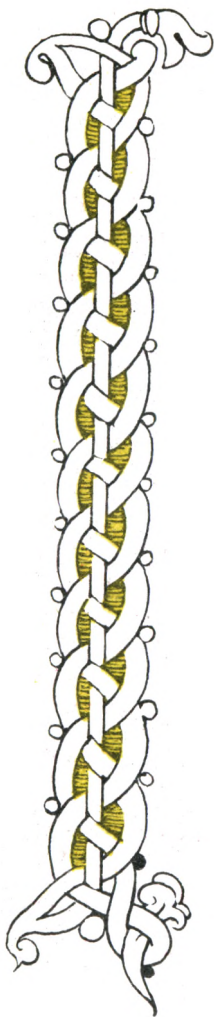
дами и многое другое. Такая шаткость княжеской власти неизбежно вела к усилению других политических сил. В конце XI века появился в Новгороде избираемый на общем вече посадник. Влияние посадника постепенно росло, со временем вся исполнительная власть перешла в его руки. Правда, посадники тоже часто менялись — в соперничестве боярских группировок то одна, то другая, то третья брала верх и завоевывала высшие посты.

На посадничьи должности избирались только люди из боярских родов. Они составляли высший слой новгородского феодального общества. Слой замкнутый, аристократический, сказочно богатый, спесивый. Он пророс когда-то из родоплеменной знати ильменских словен, откуда брали начало роды Мишиничей, Онцифоровичей, Михалковичей и прочих.

Ниже в феодальной пирамиде стояли средние и мелкие феодалы. В Новгороде их звали «житьи люди». Подчас они жили не хуже бояр, имели десятки деревень, сотни крестьян свозили им оброки в новгородские усадьбы. Но сколь угодно большие богатства не открывали «житьему человеку» всех возможностей. «Житьи» могли попасть в состав новгородского посольства в иные земли и города, полноправно участвовали в вечевых собраниях. Но путь в боярский круг был им изначально заказан, здесь никакое богатство помочь не могло, а значит, и высшие должности в боярской республике оказывались для «житьего человека» недостижимы, сколь бы талантлив, ловок и хитер он ни был.

Еще одной важной и сильной группой нов-

городского общества являлись купцы. Богатства их бывали велики, но политического могущества они имели немного. Голос купцов весом звучал лишь в торговых делах, в иные сферы бояре и «житьи люди» их не пускали, следили ревниво.

Богатых купцов — их звали «гостями» — насчитывалось немного. Основную массу торговых людей составляли мелкие торговцы, лавки которых стояли в гостиных рядах, а кто победнее — у того прямо на улицах.

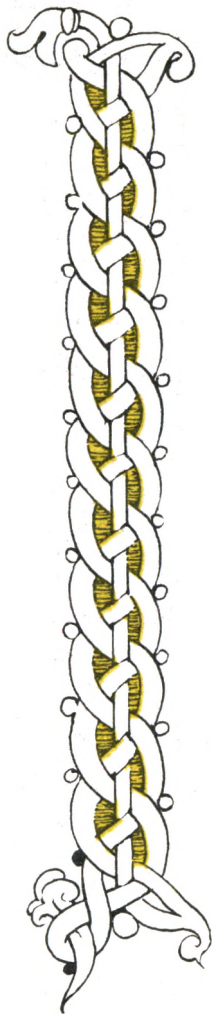
Еще ниже на социальной лестнице стояли ремесленники. Хотя они по закону и являлись лично свободными людьми, но в обществе считались «молодшими» по отношению к другим слоям — боярству, «житьям», купечеству. Соответственно прав и влияния у них было куда как меньше, чем у других.

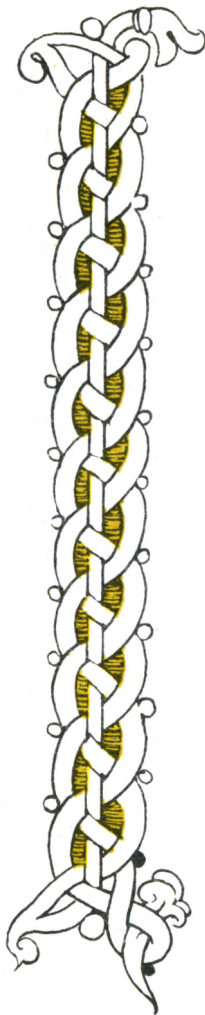
Но жили в средневековом Новгороде не только свободные горожане. В усадьбах могущественных бояр, да и во дворах «житьих людей» в плоских низких избах, а то и в сырых полуземлянках ютилось множество холопов — людей, находившихся в рабском состоянии. Бесправие их и зависимость от воли хозяина были полными — жизнь холопа-челядина считалась едва ли выше животного. Раб-челядин в летописи часто стоит рядом с животным. «Ополонишася челядью и скотом» (взяли в полон много рабов и домашних животных) — обычная фраза летописи при описании военных походов. За убийство холопа наказывали лишь постольку, поскольку урон хозяину.

На холопах лежала самая тяжкая и грязная работа. Женщине-рабыне (ее так и прозывали — «раба») приходилось обслуживать домашнее хозяйство феодалов. Они готовили еду, нянчили детей, поддерживали чистоту в доме, ходили за скотиной, а в страдную пору были на полях. Холопы-мужчины несли не только хозяйственные заботы. Существовал, например, особый разряд боевых холопов. Во время походов они всегда были подле хозяина, а в любой битве окружали своего господина со всех сторон, защищая его от наседавших противников. Это стало обычной практикой для всего средневекового мира — боевые слуги сопровождали любого феодала. Потому, хотя войны и случались постоянно, феодалов погибало сравнительно немного, основную часть павших в любом сражении составляли рядовые дружинники и боевые слуги-холопы.

Высшим органом власти в городе являлось вече. Оно собиралось по древней традиции «на Ярославле дворе», у стен и ныне украшающего Новгород Никольского собора. Участвовать в вече могли все свободные мужчины — «и бояре, и житьи люди, и купцы, и черные люди». Вече для средневекового новгородца олицетворяло собой понятие «Господин Государь Великий Новгород». На нем решались все главные вопросы новгородской жизни — оно приглашало князей и «указывало им путь», утверждало договоры и союзы, объявляло войну и провозглашало мир.

На вече выбирали посадников и тысяцких. На его собраниях распоряжались новгород-

скими земельными владениями — подчас целые волости продавались за громадные по тем временам суммы, поступавшие в новгородскую казну. Десятки килограммов серебра, случалось, отправлял тот или иной богатей-боярин в хранилища святой Софии.

Вече не только утверждало законы, но часто и практически осуществляло их. Например, судило изменников. Приговоренных к смерти на виду всего честного народа низвергали с Великого моста в суровые холодные воды Волхова — гибель в нем была практически неизбежной.

Многие вечевые собрания проходили буйно. По иному вопросу рядились день, два, три, а то и дольше. На «вечевую степенъ» — сложенную из камней-кирпичей трибуну — взбирались десятки ораторов и, перекрикивая толпу, возглашали о своем. Коль слов не хватало, в ход шли кулаки, а то и до боевого оружия дело доходило. Бывало, один новгородский район-конец сходился с другим на Великом мосту, где в давке и костоломной мешанине каждая из сторон пыталась взять верх, доказать правоту силой.

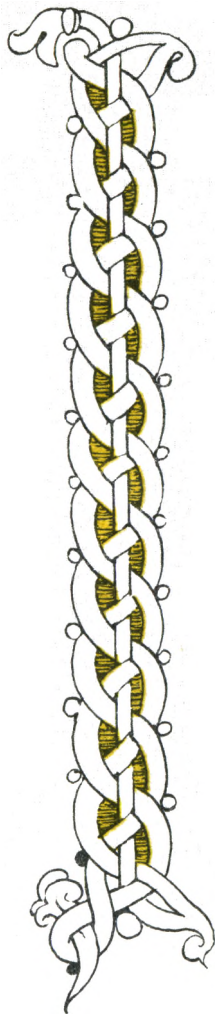
В каждом конце было еще и свое вече, на нем предварительно договаривались, что отстаивать на общеновгородском сходе, а также решали местные дела. В каждом конце доминировала в политике та или иная боярская группировка, поэтому политические схватки на Ярославовом дворе были по внутренней сути своей столкновениями боярских группировок, увлекавших за собой большую или меньшую часть новгородских свободных людей. Бояре умели ловко использовать народное недовольство, на-

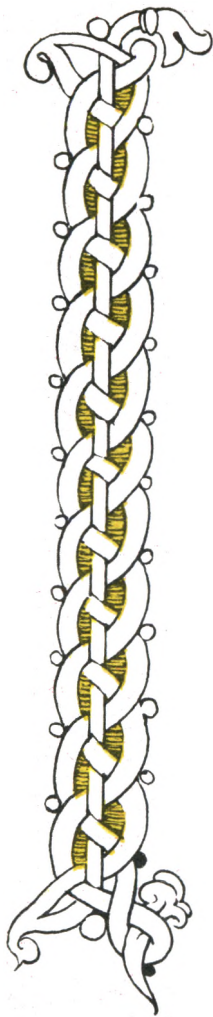
строения «черных» людей, особенно в трудные голодные годы. Столкновения боровшихся за власть кончанских группировок переплетались в реальной жизни с антибоярской борьбой городских низов. Мозаика новгородской политической жизни была сложной, запутанной, подчас просто причудливой.

Главные схватки шли за высокую должность новгородского посадника, поскольку к его рукам сходились главные нити республиканского управления. Он был главой вечевых собраний, вместе с князем возглавлял войско. Заключал договоры с зарубежными городами и королевствами. Распоряжался казной и судил преступивших закон.

Боролись бояре и за место тысяцкого. С конца XII века его тоже избирали на вече. Он активно участвовал в международных делах, разбирал торговые и прочие тяжбы.

Вечевая стихия далеко не всегда приносила плоды, угодные боярству. Поэтому со временем возник в Новгороде аристократический Совет господ, который стал органом, где вырабатывалась общепоярская тактика политической борьбы. Он собирався на дворе архиепископа, что освящало его в глазах верующих, придавало решениям Совета некий общеновгородский смысл. Кроме церковного владыки в Совет господ входили посадник, тысяцкий, кончанские старосты, а также группа бояр, которых летопись обычно именует «старые». «Старые» — это те, кто раньше бывал посадником или тысяцким. Совет господ часто предreshал важнейшие вопросы. Бояре сговаривались, как им действовать на

вече, чтобы достичь желаемого. Теперь боярская олигархия еще крепче стала держать нити управления огромной феодальной республикой. Республика новгородская окончательно превратилась в боярскую, аристократическую.

Таким стал Господин Великий Новгород к тому времени, когда был призван сюда на княжение князь Александр Ярославич.

* * *

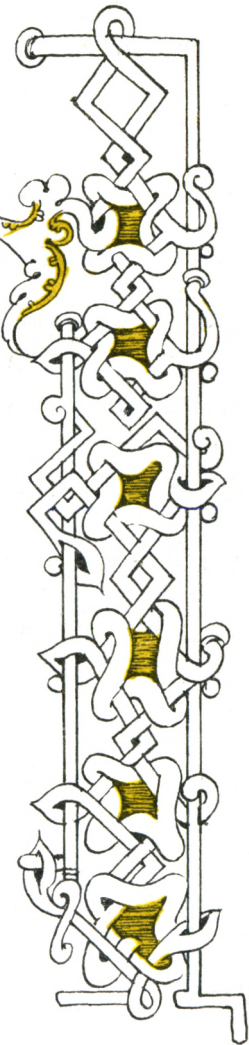
Так жила Новгородская земля. Сеяла хлеб, варила соль, плавала железо. Торговала с русскими княжествами и заморскими землями. Управлялась по своим законам — призывала князей и указывала им путь, буйствовала на вече, принимала иноземных послов и направляла к королям, князьям, магистрам свои посольства. Украшала чтимый во всех концах света Господин Великий Новгород высокими храмами, обносила крепкими стенами, а на дальних подступах к нему строила крепости.

Одной из самых ярких черт новгородского характера было глубокое, веками взраставшее в народе свободолюбие. Именно из него родились здесь и право вольности в князьях, и народное вече, и самоуправление районов-концов, и вся удаль новгородская. За свободу новгородцы стояли крепко, берегли ее зорко. Никакого врага не боялись и любую цену готовы были уплатить, чтоб уберечь вольность новгородскую. Поэтому, когда пришел час испытаний, Новгород не дрогнул, а стал действовать энергично, быстро и решительно.

БЕЙСКАЯ СТОРОНА

За морями, за горами

закатной от Новгорода стороне за седыми балтийскими валами, за скалистыми берегами находились земли шведские, с которыми Господин Великий Новгород за долгую свою историю много торговал и немало воевал. Бывало, жил в спокойствии и мире со свейми по полстолетия и более, а потом вдруг скрещивал мечи. То распахивал ворота перед северными купцами, а то щетинился самострелами со стен всех своих крепостей.

Королевская Швеция лежала за знакомым морем, покрытая озерами и лесами, прочерченная быстрыми реками.

Древние ледники перемешали ее землю с камнями и щебнем, нагромодили повсюду валуны и обломки скал. Морские берега были изрезаны заливами и бухтами, их ска-

листая линия неприветливо встречала всякого пришельца.

Большую часть страны укрывал плотный лесной полог — «много лесов и ненаселенные места столь обширны, что через них можно ехать много дней». Лесные дебри разделяли заселенные местности, защищали лучше любых укреплений. Правда, лес всегда нес не только защиту, но и опасность: огромные лесные пространства легко и навсегда поглощали неопытных путников.

Опасные звери водились здесь в изобилии: медведи, волки, росوماхи, зубры, кабаны... Много было и ценного пушного зверя: бобров, куниц, выдр, горностаев. Олени и лоси ходили около людского жилья. Дикая птица: гуси, лебеди, куропатки — водилась без счета. В реках и озерах, пугая малых рыб, плескались огромные лососи, золотистые сазаны, серо-зеленые щуки, скользили змеевидные угри. А у морского берега в изобилии водились треска и сельдь.

Природа не обидела Швецию и иными дарами. Железную руду находили и в болотах, и в горах. А медные руды во многих местах подходили совсем близко к земной поверхности; иногда нужно было лишь содрать мох, чтобы добраться до них. Но особо ценили и берегли правители серебряные рудники. Шведское серебро было не простым — почти восьмую часть добытого составляло чистое золото, с которым был смешан в здешних местах этот любимый викингами белый металл, открывавший путь к любому богатству и сам ценившийся как высокая драгоценность.

Из чистого серебра, после того как умельцы извлекали из него золото, в королевских мастерских отливались и чеканились шведские деньги. Главной была марка чистого серебра — слиток весом около 200 граммов. А позднее, в XIII веке, короли стали чеканить монеты, но и массивные слитки продолжали ходить по стране, использовались для крупных сделок, упрятавались в сокровенные тайники.

Однако серебра не хватало и роль денег часто исполняли разные ходовые товары: скот, рыба, холст, железо и медь. В древних текстах можно встретить выражения «10 марок холста», «8 марок коровьего масла» — всякий товар имел свою денежную меру и в подходящих случаях сам играл роль денег. Такому обычаю способствовало и то, что многие налоги в пользу господ и правителей платились не деньгами, а натурой: пушниной и холстом, зерном и коровьим маслом, мясом, домашней птицей, сеном, хмелем. Такая ситуация была типична не только для Швеции, едва вступавшей в феодальную

эпоху, но во многом еще сохранявшей черты общинно-родового строя, но и для Руси, и для других европейских стран.

На грани I и II тысячелетий нашей эры на территории Швеции обитали несколько десятков племен. Их имена сохранились в названии в сочинениях древних географов: свеи, лопари, вестьёты, остьёты, вермландцы, гуты... «А кроме того, есть и другие бесчисленные народы свеонов», — писал в XI веке Адам Бременский.

Во времена первобытной древности каждое племя делилось на отдельные роды и каждый род имел свою территорию. Большие родовые семьи насчитывали по несколько десятков человек, жили сообща в низких длинных домах. Длинными их называли не случайно — строения вытягивались на шестьдесят и более метров. В середине дома располагался очаг. Крепкие короткие столбы подпирали плоскую крышу. Позднее, в средние века, когда родовой строй ушел в забытое прошлое, скандинавы стали называть уцелевшие кое-где фундаменты таких домов «могилами великанов и богатырей» — так поражали необычностью остатки этих древних построек.

Но постепенно родовые узы ослабевали, на смену большим родовым семьям приходили малые, объединявшие только родителей и детей. В начале нашего тысячелетия, как раз во время эпохи викингов, такие семьи уже преобладали. Жизнь Швеции медленно шла в сторону феодализма. Через слой родовых отношений прорастали новые побеги, возникали формы начальной государственной жизни. Уже во времена

викингов Швеция стала королевством, объединившим несколько племенных областей под властью одного правителя.

Свейские конунги

Короля-конунга избирали из знатного рода. Само слово «конунг» означало, как полагают, «человек, происходящий от богов». Выбирали его на общем сходе-тингге трех главных областей королевства. По традиции этот тинг собирали на издревле знаменитом лугу Мура в десяти километрах от Уппсалы, где лежал священный камень Мурастен. На него — «согласно законам и обычаям отечества» — поднимали вновь избранного короля, чтобы его могли видеть все собравшиеся.

Но этим дело не кончалось. Новый король должен был объехать все основные земли королевства, и в каждой из них его «присуждали в короли» еще и на местных тингах. Это была не простая поездка. В каждую землю король въезжал как во враждебную. На границе ему давали знатных заложников и только после этого путь продолжался. На общем земельном тинге новый король приносил клятву — обещал соблюдать закон и мир.

Древний порядок был строг, нарушать его не мог никто. Саги рассказывают, что лишь однажды была такая попытка. Дерзкий и гордый

король Рагнвальд решил не брать заложников, ожидавших его на границе одной из земель, надеясь на то, что любую угрозу отведет силами своей дружины и собственной доблестью. Но отступление от древнего обычая закончилось для него трагически: «...и за это неуважение, — бесстрастно сообщает хроника, — которое он оказал всем вестьям, он умер позорной смертью».

Подданные искренне считали, что конунг является носителем божественной силы и способен влиять даже на природные явления, например сделать год урожайным, прекратить холода и дожди, предотвратить стихийные бедствия. «У свеев был обычай, — сообщает одна из древних саг, — приписывать королям урожай и неурожай». Бытовало даже особое прозвище для королей — «благополучный для урожая». Но когда случался неурожай, то и самого короля могли принести в жертву богам, которым, как полагали язычники, он чем-то не угодил.

Так, древнее сказание свидетельствует, что при жизни одного из королей был голод и нужда. Тогда свеи совершили большое жертвоприношение в Уппсале. В первую осень они принесли в жертву быков, но урожай не стал лучше. На другую осень они принесли человеческие жертвы, но урожай был такой же или еще хуже. Но на третью осень собрались многочисленные свеи в Уппсале, когда должны были совершаться жертвоприношения. Тогда хёвдинги держали совет и решили, что неурожай мог случиться из-за Домальди, их короля, и что они должны принести его в жертву ради урожая. И они по-

шли к нему, и убили его, и окрасили его кровью жертвенные скамьи».

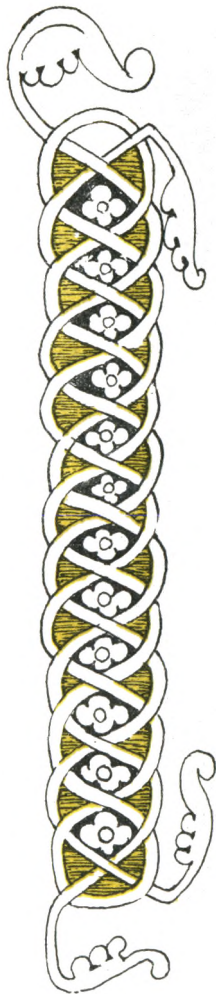
Случай этот не был исключением, это была одна из норм тогдашней, еще во многом варварской жизни. Точно так же кончил свои дни герой многих сказаний король Олаф Лесоруб. «Король Олаф, — сообщает сага, — не был большим жертвенным жрецом. Это не нравилось сваям, и они думали, что неурожай мог случиться из-за него. Тогда свей собрали войско и выступили против короля Олафа, окружили его дом, сожгли его внутри и подарили его Одину (верховному божеству) и принесли его в жертву за урожай».

Так что король шведов в те древние времена мог погибнуть не только на поле брани от руки врага, но и от рук разгневанных подданных, свято веривших в древние, с первобытных времен существовавшие обычаи.

Королевские слуги

ысшим должностным лицом при короле был ярл. Эта древняя должность, так же как и королевская, тоже возникла еще в языческие времена. В феодальную эпоху звание ярла стало примерно эквивалентно герцогу или графу в других странах. Ярл часто бывал королевским наместником в разных землях королевства, по указу короля мог командовать морским ополчением, главной боевой силой королевства. Обычно он имел собствен-

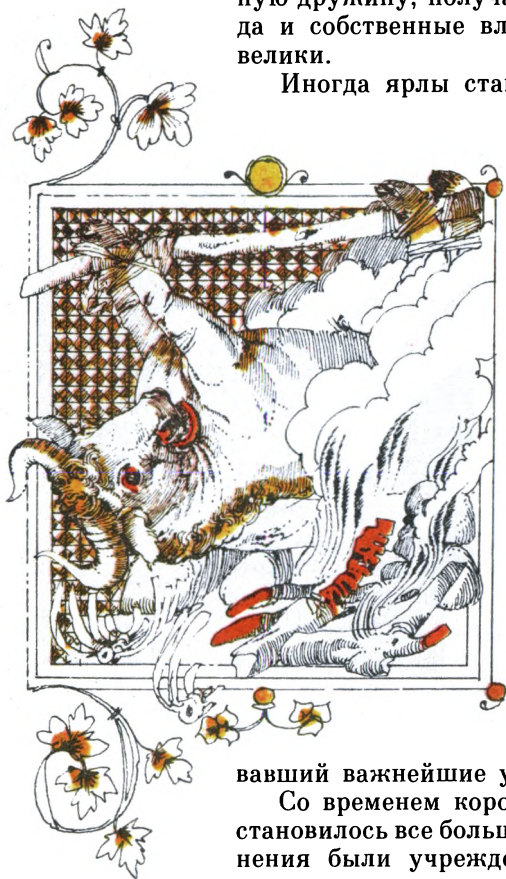
ную дружину, получал большую дань с земель, да и собственные владения ярлов были очень велики.

Иногда ярлы становились столь могущественны, что превращались в фактических правителей государства, оттесняя, как знаменитый Биргер, в тень королей.

Для ведения государственных дел, которых по мере вызревания феодальных отношений становилось все больше и больше, в XII веке была учреждена должность канцлера, которую обычно занимал знавший — в отличие от профессиональных вояк — грамоту и законы епископ. В те же времена возник и составившийся из «многих добрых мужей» королевский совет, изда-

вавший важнейшие указы.

Со временем королевских указов и законов становилось все больше и больше. Для их выполнения были учреждены должности специальных «королевских посланцев». Они собирали дани, ведали судебными разбирательствами, представляли королевскую власть на собра-

ниях-тингах. Должность эта была почетной и важной. Так, в любой земле «королевскому посланцу» не только давали требуемое число лошадей при поездках, но и прокладывали в снегу дорогу. А если жители вдруг пытались уклониться от этой тяжелой повинности, то на них накладывался большой штраф.

Закон строго охранял и берег «королевского посланца», его жизнь и честь. За его убийство взимался штраф в 300 марок, за рану в живот или голову — 200 марок, за синяк — 100 марок, за замахиивание секирой, мечом или прицеливание из лука — 40 марок. Эти огромные платы были не под силу одному человеку, их выплачивала сообща вся область, где случалось с «королевским посланцем» какое-либо происшествие. Кроме «королевских посланцев», наезжавших время от времени, в каждом округе были слуги, управлявшие королевскими имениями. Их называли брюти. Помимо хозяйственных забот, брюти следили, чтобы всегда были полны припасов имевшиеся в каждой местности королевские кладовые. А поставлять продукты должны были окрестные жители, свободные подданные короля — бонды. Брюти собирал мелкие штрафы, мог посадить вора или бродягу в королевскую тюрьму. Для этого при нем состояло двенадцать верных и сильных слуг-исполнителей.

Жизнь и честь брюти тоже охранялись законом, но не так строго, как «королевского посланника». За убийство брюти штраф составлял 40 марок — тоже очень много, но гораздо меньше, чем за убийство «посланника».

Охраняя верных слуг, королевская власть укрепляла в первую очередь себя. Она постепенно росла, опираясь на местную знать и католическую церковь. Правдами и неправдами вводил король все новые и новые налоги. Многие из них сначала появлялись как временные, но быстро становились постоянными. Часть податей вносилась деньгами, другая часть продуктами и товарами. Все нужно было королю: зерно и жирные коровы, овцы, ягнята, козлята, поросята, курицы и гуси, шпик, коровье масло, хмель, холст, пушнина. Львиную долю того, что производилось в хозяйствах бондов-собственников, королевская власть забирала себе.

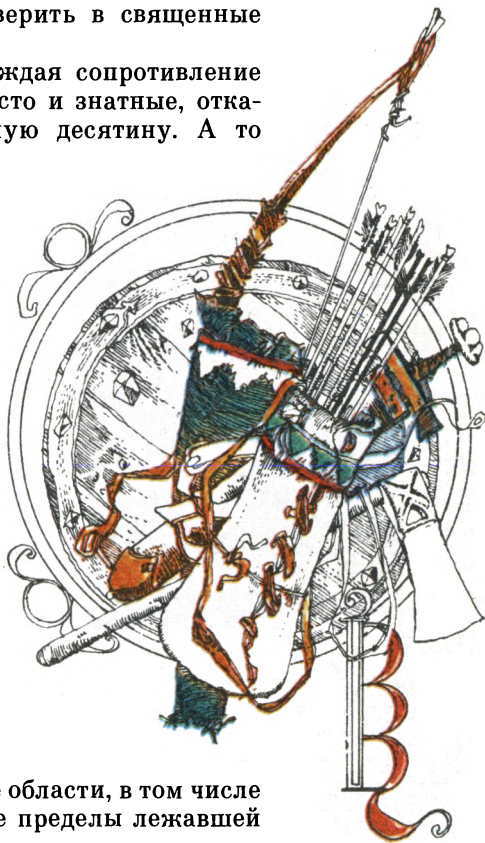
А следом за королевским брюти являлись на хозяйственное подворье бондов церковники. Церковная десятина была еще одним бременем. Королевская власть вынуждена была мириться с алчностью католической церкви, поскольку она являлась ее верным и мощным союзником. Не один век католичество упорно цеплялось за скалистые берега Скандинавии, проникало в ближние и дальние места северной страны, но только в конце XI века христианство было объявлено единственной религией Швеции. Правда, и тогда еще эта «единственность» была лишь желаемым для самой церкви и короля идеалом, а не утвердившейся действительностью. И сто и двести лет спустя среди шведов упорно жили, переходя от поколения к поколению, языческие верования. Тщетно увещевали паству епископы: «Все христиане должны верить в Христа, в то, что он — бог и что больше нет богов, кроме одного его! Никто не должен

приносить кровавые жертвоприношения идолам, и никто не должен верить в священные рощи и камни!»

Древняя вера жила, рождая сопротивление новой. Простые люди, а часто и знатные, отказывались платить церковную десятину. А то и открыто выступали против католичества. Жгли, разоряли церкви и монастыри, разгоняли, а подчас и убивали священников.

Но крестоносное католичество упорно проникало во все поры народной жизни, укреплялось, создавая все более плотную сеть приходов. Страна была поделена на шесть епископств, потом появился архиепископ в Уппсале. Римский папа настойчиво и постоянно поддерживал и раздувал огонь в новом северном очаге католичества, думая о грядущих продвижениях «святой веры» в иные языческие области, в том числе в туманные и таинственные пределы лежавшей на востоке Руси.

Все более благосклонной становилась по отношению к церкви королевская власть. Эта благосклонность была взаимной — церковь стала

короновать избранных по древним обычаям королей, освящая светскую власть новой христианской верой. Теперь верховный правитель становился в глазах подданных «королем божьей милостью», отблеск небесных сил сиял в его короне.

Грозный ледунг

тараниями церкви деяния короля приобретали высший, одобренный небом смысл. Это относилось как к внутренним делам королевства, так и к военным походам в другие страны. Король был верховным военачальником. Он возглавлял и сухопутные походы и морские ополчения-ледунги.

Морское ополчение шведов со времен викингов не знало себе равных по силе. Хронист Адам Бременский отметил, что племена свеев — лучшие бойцы и на конях и на кораблях и поэтому подчинили своей власти остальные народы Севера.

Ледунг собирался для дальних походов. Вся страна делилась на «корабельные округа», и каждый из них должен был выставить боевой корабль в полном оснащении для дальнего похода с дружиной на борту. Корабли были двух основных типов: сорокавесельные шнеки с экипажем по сотне человек каждая и меньшие по размерам — до шестнадцати пар весел — скуты, на которых размещалось от двадцати до пятиде-

сяти человек. И те и другие оснащались не только веслами, но и парусами; северные ветры помогали в походах, давая отдых гребцам.

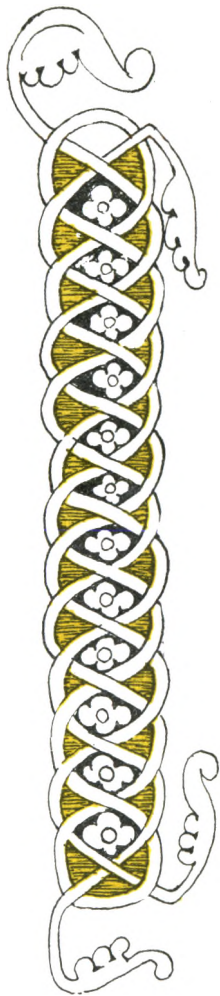
Основную часть экипажей составляли гребцы, которые во время военных высадок брались за оружие. Но всегда плыли на кораблях и группы воинов-рыцарей, которые никогда не садились за весла. Их уделом был только бой. Они жили на носу корабля и всегда первыми высаживались на неприятельскую территорию. Прозывали их «живущие на штевне», то есть на носу корабля. Со временем из них сформировалась рыцарская часть королевского войска.

Набирались в ледунг крепкие мужчины, способные носить, как тогда говорилось в законе, «полное народное оружие». Каждый должен был иметь пять видов такового: секиру или меч, кольчугу или панцирь, щит, шлем, лук и полный колчан — три дюжины стрел.

Командовали боевыми кораблями стуриманы-кормчие, наиболее опытные, отлично знавшие Балтику, Северное и другие моря, авторитетные в своих землях-ландах мореплаватели и военачальники.

Размеры ледунга бывали разными. К концу XIII века в иных королевских ледунгах шло до трехсот кораблей, которые несли двадцать пять—тридцать тысяч человек, — огромная по тем временам сила!

Уже в эпоху викингов ледунг стал жесткой и четкой военной организацией шведских племен, еще стоявших на ступени варварства. Фридрих Энгельс ярко характеризовал эту ступень развития человеческого общества. «Богат-

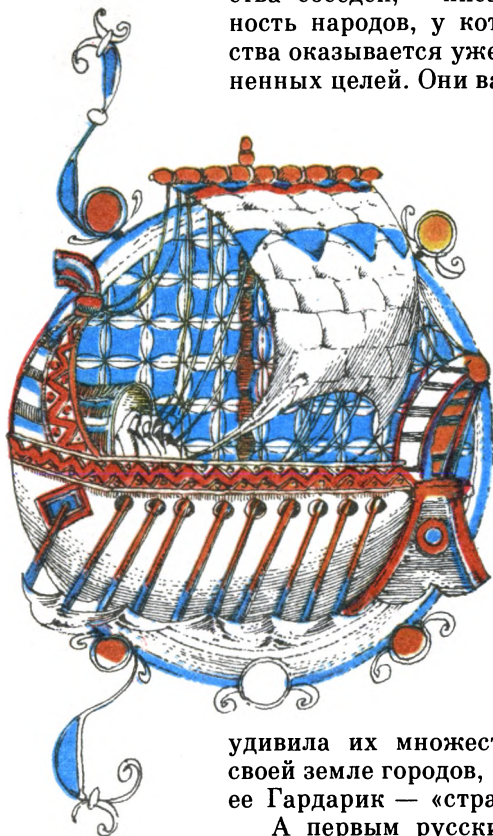
ства соседей, — писал он, — возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется

более легким и даже более почетным, чем созидательный труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападение, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом».

Викинги наводили ужас на обитателей ближних и дальних европейских углов. По знаменитому впоследствии торговому пути «из варяг в греки» они проникали в земли восточных славян. Русь

удивила их множеством крепко стоявших на своей земле городов, и потому викинги прозвали ее Гардарик — «страна городов».

А первым русским городом на длинном — через полсвета — пути до сказочной Византии была Ладога, с которой торговая дорога раздвигалась: «парчовый» путь вел по Днепру «в греки», а «серебряный» — по Волге «в арабы».

Дружины викингов останавливались в Ладоге перед походами на юг. Многие из них оставались жить в городе, где велась бойкая торговля, процветало ремесло. Славяне охотно торговали с воинственными соседями, участвовали в их военных и торговых предприятиях. Заимствовали секреты ремесла и делились своими.

Но если отношения обострялись — а такое случалось, — вольнолюбие славян и союзных с ними карел, води, ижоры давало себя знать упорством сопротивления, стойкостью в защите своей земли.

На Руси викингов называли варягами, а жители южных европейских государств именовали этих свирепых «находников» норманнами, то есть «северными людьми». О ярости их ходили легенды, имевшие под собой достоверную историческую основу.

«От жестокости норманнов избави нас, Господи!» — взывал к небесам вселенский собор католической церкви. Не было храма в Европе, где бы ужасавшиеся боевому бешенству викингов католики не повторяли этой молитвы.

Военный напор викингов, казалось, не знал предела. Еще в конце VIII века их набеги потрясли Англию и Ирландию. В середине следующего столетия их сокрушительному натиску подверглись Франция, Португалия, Испания и германские земли. Нант, Севилья, Лиссабон, Париж, Гамбург и множество других городов были взяты молниеносными штурмами и разграблены. Следом пришел черед Южной

Италии, Сицилии, Византии и Северной Африки. Викинги высадились и освоились в Исландии, потеснив там племена кельтов, проникли в Гренландию, где под мощными ледниками скрываются ныне остатки их поселений. И за полтысячелетия до Колумба достигли Америки!

Главной добродетелью почиталась у викингов воинская доблесть, постоянная — днем и ночью — готовность к сражению.

Ее славили саги и песни:

Муж не должен
Хотя бы на миг
Отходить от оружья.
Ибо, как знать,
Когда на пути
Оно пригодится?

Главным делом жизни многих поколений скандинавов стали дальние боевые походы во все концы света:

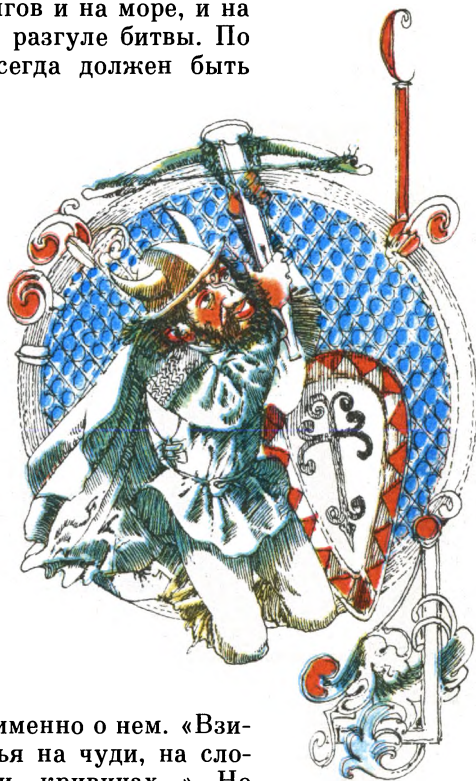
Шумели весла,
Железо звенело,
Гремели щиты.
Викинги плыли,
Мчалась стремительно
Стая ладей,
Несла дружину в открытое море...

Цель этих походов всегда была одна — военная добыча. Золото, серебро, оружие, рабы и рабыни. Возвращаясь, опьяненные удачей викинги распевали любимые песни:

Не знаю я золота;
Что нашей добычей
Давно бы не стало!

Но жизнь, посвященная войне, грабежу, алчной погоне за добычей, была полна опасностей. Смерть стерегла викингов и на море, и на суше. В разгуле стихии и в разгуле битвы. По боевой традиции викинг всегда должен быть готовым к тому, чтобы умереть с честью, — это считалось едва ли не высшей доблестью. И об этом сложено немало чеканных стихов:

Мы стойко бились
На трупах врагов!
Мы, как орлы
На сучьях древесных!
Со славой умрем
Сегодня иль завтра —
Никто не избежит
Судьбы приговора!

Видимо, не раз появлялся флот ледунга и в землях восточных славян. Одно из знаменитых известий «Повести временных лет», древнейшей русской летописи, говорит, похоже, именно о нем. «Взимали дань варяги из заморья на чуди, на словенах, на мери, и на веси, кривичах...» Но в 862 году произошло непредвиденное: «...изгнали варягов за море и не дали им дани». Наверно, в тот давний год пришедший на Русь флот ледунга получил отпор.

К русским пределам

оинственность викингов по наследству перешла к конунам феодальной Швеции. А традиции великолепного военного искусства жили в свеях, подталкивая их к новым и новым походам в земли ближних и дальних соседей. Только теперь вершились эти походы под «святой сенью» католического креста.

Так было, например, в 1164 году, когда новгородцы дали отпор одной из мощных шведских армاد.

В марте того памятного новгородцам года из Балтики в Неву вошла флотилия пятидесяти пяти боевых шнеков, на каждой из которых находилось до сотни воинов. Быстро поднявшись по реке, армада вошла в Ладожское озеро, затем достигла устья седого Волхова и стала подниматься вверх против его мощного течения.

Целью многотысячной военной экспедиции была опоясанная каменным крепостным поясом Ладога — сильнейший новгородский форпост. 23 мая шведский флот подошел к городу. К этому времени деревянный ладожский посад горел во многих местах, подожженный укрывшимися в крепости ладожанами. Высадившись на берег, шведы почти без передышки пошли на штурм ладожской твердыни. Русские отбивались организованно и хладнокровно. Скоро штурмовые отряды вынуждены были отойти. Шведы по-

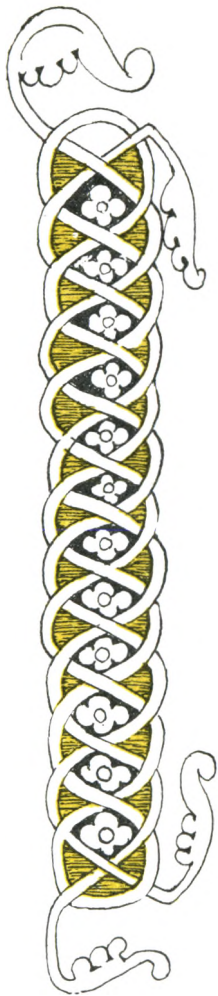
няли, что нужна более основательная подготовка к взятию Ладоги. Но защитники крепости не дали такой возможности — смелая и внезапная вылазка большого отряда ладожан стоила осаждавшим больших потерь. Потерявшее уверенность крестоносное войско отошло поспешно от города, чтобы не подвергнуться новому решительному нападению.

Неудачное начало обескуражило шведов. Пять дней их военачальники решали, что предпринять, как подступиться к твердокаменному ладожскому ореху.

В конце концов это промедление обошлось захватчиком очень дорого. 28 мая на шведский стан, словно каменный обвал, обрушилось новгородское войско, пришедшее на помощь родному «пригороду». Беспорядочный бой длился недолго — большинство захватчиков погибло или попало в плен. Внезапный удар позволил новгородцам захватить почти весь шведский флот — сорок три шнеки. Двенадцать шведских кораблей сумели отойти от берега и бежать с места битвы. Крестоносный выпад бесславно провалился, надолго отбив у шведских феодалов охоту вторгаться в пределы Новгорода. Но богатства русских земель влекли шведских феодалов неодолимо, эта тяга, то затухая, то разгораясь, существовала долгие столетия.

XIII век в этом отношении мало чем отличался от предыдущих столетий.

В 1240 году во времена короля Эрика, королевича Биргера и ярла Ульфа Фаси ледунг был собран вновь. В начале лета под тысячами огромных весел вскипела балтийская вода у

шведских берегов. Крепкие паруса, надуваясь, хлопали под сильным ветром. Стуриманы-кормчие крепко держали рули шнек, всматривались в восточную сторону, где скрывался богатый Гардарик — Русь.

«Живущие на штевне», коротая время, точили секиры и мечи, рассказывали друг другу о прежних удачах. Католические епископы, шедшие с ледунгом, чтобы обратить язычников в истинную веру, возносили молитвы об успехе великого дела, которое возглавили королевский ярл и королевич.

Летнее солнце сияло над Балтикой, грело крепкие спины гребцов, покрывало загаром лица отдохавших рыцарей. Ласковый ветер шевелил их светлые волосы.

Начинался большой и славный поход. Все жаждали удачи, и она, казалось, была близка и возможна.

Месяца июля в пятнадцатый день ...

Ордынский смерч

середины третьего десятилетия XIII века грозные годы шли над Русью один за другим и череда их, похоже, становилась нескончаемой. Глубокой осенью 1237 года появились в окрестностях Рязани конные разъезды ордынцев. А после того как мороз сковал реки и озера, в рязанские пределы двинулось огромное войско. Вел его верховный правитель татаро-монголов Батый.

Хан предложил Рязани сдаться, но получил твердый отказ. «Лучше добыть нам славу вечную, чем во власти поганных быть!» — решили рязанцы. Рязанское ополчение вышло в заснеженные поля — биться с врагом. Место этого первого героического сражения с Ордой неизвестно. «Была сеча зла и ужасна! Многие полки пали Батыевы. А хан-

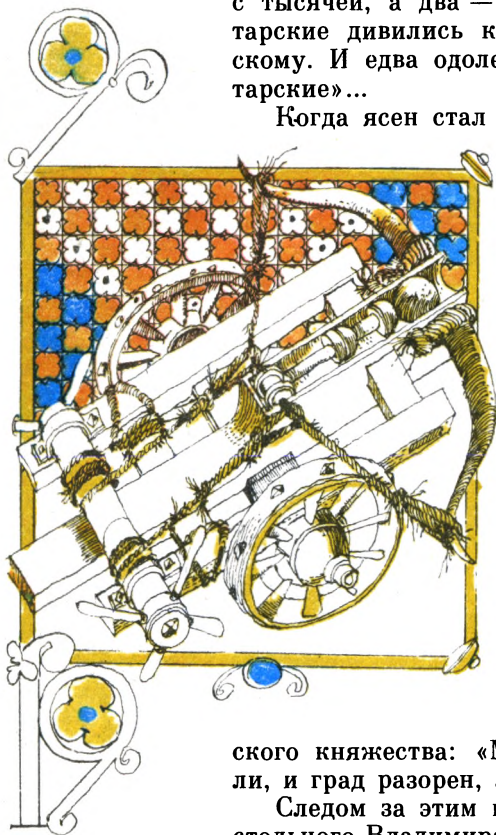
ская сила была велика — один рязанец бился с тысячей, а два — с тьмою... Все полки татарские дивились крепости, мужеству рязанскому. И едва одолели их сильные полки татарские»...

Когда ясен стал трагический исход сражения, Юрий Рязанский отступил за стены крепости. Орда прихлынула следом. 16 декабря начался штурм города. Он продолжался пять дней и ночей.

Утром шестого дня обессиленная Рязань пала. «Спозаранку пошли поганые на город — одни с огнем, другие со стенобитными орудиями, третьи с бесчисленными лестницами — и взяли град Рязань... И не осталось во граде ни одного живого!» Страшное зрелище являла собой погубленная столица сильного рус-

ского княжества: «Множество мертвых лежали, и град разорен, земля пуста...»

Следом за этим пришел трагический черед стольного Владимира. Орда пришла к нему через полтора месяца после «рязанского взятия». 5 февраля 1238 года начались первые яростные приступы. Они не принесли успеха, и к ночи

ордынские тумены отошли. Но едва забрезжил рассвет — натиск возобновился. Грохотали осадные машины-пороки, громко стучали боевые барабаны, иноземный боевой клич холодил кровь. Скоро рухнули участки разбитой стены у Золотых ворот, и через образовавшиеся проломы захватчики ринулись в город. Полеми битвы стали улицы пылающего Владимира. К вечеру все было кончено. Лишь обгоревший остов каменного Успенского собора возвышался в сожженном граде.

Этой же зимой пали под таранными ударами многие малые города. Была стерта с лица земли пограничная крепость Владимирского княжества Москва. После двухнедельного штурма был сломлен прикрывавший южные границы новгородских владений Торжок.

В конце марта войско Батыя, уже повернув из северных русских краев в южные степи, накатилось на маленький Козельск. Попытка взять его с ходу провалилась. «Батый пришел к городу Козельску, — сообщает восточная хроника, — и, осаждая его два месяца, не мог овладеть им». Пришлось посылать за помощью — звать две другие ордынские армии. «Потом пришли Кадан и бури и наконец взяли его».

Почти два месяца небольшой русский город противостоял едва ли не всем силам Орды. «Злой город», — назвал его Батый, приказав вырезать всех жителей вплоть до грудных младенцев.

В середине весны степняки ушли на юг. Но в следующем году их лавина вновь обрушилась на Русь. «Татарове взяли Переяславль Русский,

и люди избили, а град пожгли огнем. Тогда же пал Чернигов».

Последним оплотом оставался седой Киев. Летом 1239 года к нему вышли тумены двоюродного брата Батыя — хана Менгу. Не рассчитывая сокрушить киевскую твердыню в одиночку, он отправил вестников к Батыю. Тот, узнав о богатствах Киева, сразу откликнулся на призыв брата.

«Приде Батый к Киеву в силе тяжелой. Многим множеством силы своей окружил град». Лучшие полководцы Орды собрались на берегу Днепра — сам верховный правитель Батый, удачливый Менгу-хан, разгромивший Владимирское княжество Бурундай, знаменитый Субедей, прозванный за жестокость цепным псом Чингисхана.

Восемь дней длился затяжной штурм. Уставшие тумены отходили на отдых, а их место тут же занимали новые — чтоб не дать защитникам и часа передышки.

В течение нескольких суток ордынцы, подтянув стенобитные орудия, раскачивали на цепях огромные обитые железом бревна — крушили стены крепости. В проломы устремились штурмовые отряды. Целый день шло сражение на улицах, захватчики грабили и жгли город. «И святую Софию разграбили, и монастыри все! И иконы, и кресты, и все украшения церковные взяли. И людей от мала до велика всех убили мечами!»

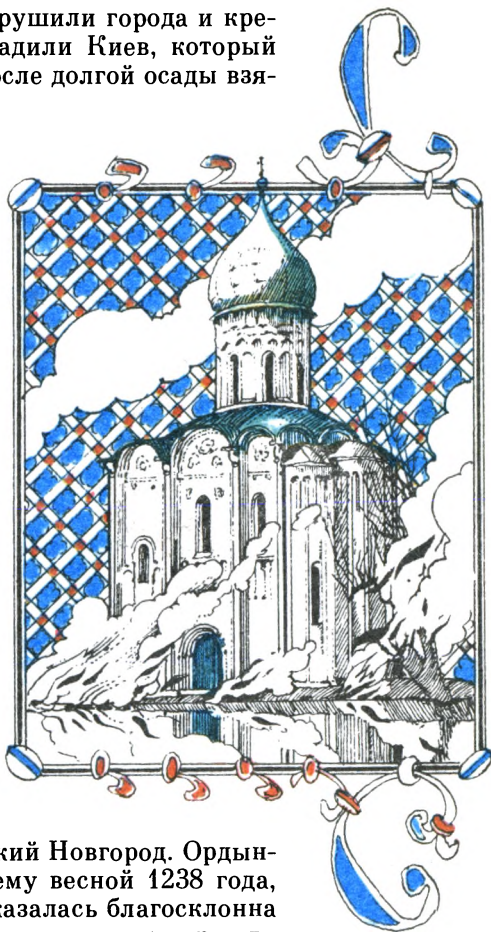
Через пять лет добравшийся до Киева итальянский монах Плано Карпини отметил в своих записках: «...татары произвели великое изби-

ение в стране России. Разрушили города и крепости и убили людей. Осадили Киев, который был столицей России, и после долгой осады взяли его и убили жителей... Этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжелом рабстве».

Тяжкую картину являла собой Русь после нашествия.

«Только дым, и земля, и пепел!» — горестно воскликнул летописец, записавший страшные рассказы скитавшихся по дорогам и пепелищам беглецов.

Нашествие не доказалось лишь в дальний северо-западный угол Руси, где раскинулся по берегам седого Волхова сказочно богатый и славный Господин Великий Новгород. Ордынские тумены рвались к нему весной 1238 года, но историческая судьба оказалась благосклонна к северному исполину. Захватчиков задержали малые города, ни один из которых не пожелал

сдаться без боя. Крохотный Торжок, в котором и жителей-то было всего тысяча-другая, продержался против армии захватчиков две недели! Так было повсюду, и это всеобщее сопротивление медленно, но верно останавливало и обессиливало бег сокрушительной ордынской волны. Не дойдя всего ста верст до Новгорода, Орда отхлынула, откатилась на юг, и город избежал осады, штурма, разорения...

Крестоносный напор

днако ордынская гроза, пролетевшая рядом с куполами новгородской Софии, оказалось, не была единственной, ибо в эти же годы Новгород начал испытывать постоянное давление на южные и северные рубежи своих владений. Шведских конунгов на севере и магистров католических орденов на юге постоянно подталкивала к крестовому походу на Русь далекая папская курия.

В XI—XIII веках католическая церковь во главе с папой была единственной централизованной силой в раздробленной, похожей на лоскутное одеяло феодальной Европе. Пользуясь этим, папство стало претендовать на полное верховенство, бороться за подчинение всех правителей, включая императоров и королей, церковной власти.

Этому святому делу посвятил себя и ставший

папой в 1227 году Григорий IX. По сути своего энергичного характера новый папа был религиозным фанатиком, которым двигала одна идея — рост католического влияния до неограниченных пределов. С этой мыслью Григорий IX начинал каждый день, с нею же и отходил ко сну, вознеся небу последнюю молитву. Ей были подчинены все действия нового церковного главы, ради нее он не останавливался ни перед чем. Когда, например, самый сильный в Европе император Фридрих II прервал из-за поразившей войско эпидемии начатый по настоянию папы крестовый поход в «святую землю», папа дважды за один год проклял императора, не пожелавшего служить богу, не щадя живота своего. Правда, через пару лет Григорий IX помирился с императором, но лет через десять, в 1239 году, вновь проклял его. На этот раз он действовал особенно яростно, подбивая к выступлению против Фридриха даже ордынцев, к которым он послал своих легатов.

Все, что было неуютно святому престолу, тут же объявлялось в буллах Григория IX «неслыханными и невиданными по своей гнусности делами», а участники этих дел, объявленные еретиками, подлежали поголовному истреблению. «Воистину, — лицемерно ужасался папа в одном из посланий, — если бы земля, звезды и все существующее поднялись против подобных людей и, невзирая на возраст и пол их, целиком истребили, то это не было бы для них достойной карой! Если они не образумятся и не вернутся покорными, — грозил папа, — то необходимы самые суровые меры,

ибо там, где лечение не помогает, необходимо действовать мечом и огнем. Гнилое мясо должно быть вырвано!»

Григорий IX энергично действовал не только

на благодатных землях европейского юга. Не меньший интерес он проявлял к делам Северной Европы, где католичество шаг за шагом продвигалось в глубь суровых окраин материка. Папа не только мечтал, но и твердо намеревался завершить на севере дела, успешно начатые предшественниками, — замкнуть католическое кольцо вокруг седой Балтики!

Католизация Балтики была начата задолго до Григория IX; в Дании, Швеции, Германии католичество господствовало уже в течение столетий, и папа

исправно получал с этих земель церковную десятину. Конец XII — начало XIII века ознаменовались крупными успехами «святой веры» в Восточной Прибалтике. Немецкие крестоносцы сумели продвинуться в Подвинье, где в 1202 году возник рыцарский Орден меченосцев.

Успехи немецких крестоносцев разожгли рыцарские аппетиты по всей Европе. В 1219 году и датские рыцари устремились в эти края послужить «святому делу». Их войска захватили Северную Эстонию.

Чуть позже, в конце 20-х годов XIII века, в этой области возник еще один рыцарский орден — Тевтонский, который лет через десять при активном содействии папы объединился с Орденом меченосцев в мощную рыцарскую державу, владения которой уперлись у Чудского озера в границы Руси. Новый объединенный орден скоро стали именовать Ливонским.

Так шли крестоносные дела на южном фланге Восточной Прибалтики. Одновременно силами шведских феодалов велось наступление на земли «неверных» финнов и русских с северного прибалтийского направления. Первый крестовый поход в их земли был совершен еще в середине XII века. И хотя он не увенчался успехом, подобные походы стали предприниматься постоянно. Вода камень точит — постепенно значительная часть территории, где обитали финские племена, прежде всего земля племени емь (шведы называли ее Тавастланд), «с помощью Бога и стараниями славных мужей была обращена в христианство». Крестоносцы вплотную подошли к границам обширного Новгородского государства.

Поразмыслив о том, как подчинить себе Новгород, папа для начала решил удушить его торговлю — одну из главных основ новгородского могущества. Зимой 1229 года он разослал буллы во все торговые центры Балтики — на Готланд,

в Ригу, в Любек и другие. В буллах был категорический указ — ни один католик не должен торговать с русскими язычниками!

Оробели купцы европейские: наместник бога на земле требовал прекратить торговлю. Но как отказаться от звонкого серебра, которое обильно водилось в Новгороде? А русский светлый воск? А драгоценный «рыбий зуб», как звали тогда изжелта-белые, по два фута и более длиной моржовые клыки? А соболи «с пупкы, с когти и глаза», коими так любили украшать себя немецкие жены? А шкуры огромных белых медведей, на которых только бесстрашные русские поморы и отваживались ходить? А жир морского зверя, из которого выделявалось прекрасное мыло? Да мало ли было товаров, которые на Руси хитрый и оборотистый купец покупал на серебро, а в Европе отдавал только за золото!

Жизнь взяла свое. Хоть и испугались многие купцы строгих папских слов, а торговли с Новгородом не бросили. Первая затея против Новгорода не удалась. Это вызвало сильное раздражение церковного владыки. Он еще раз разослал строгие указы, но и новый окрик не помог.

Тогда решено было действовать иначе. В 1232 году Григорий IX запретил всем католикам в прибалтийских землях заключать с русскими договоры о мире или даже простом перемирии. Расчет был не без хитрости: глядишь, и удастся из углей какой-нибудь малой или старой ссоры раздуть огонь большой войны, а потом объявить ее священным крестовым походом для «нового насаждения веры». Но и здесь ни-

чего не вышло. Никаких обращений за разрешением на мир с русскими из Прибалтики не последовало.

Поэтому в 1238 году папские кардиналы придумали новый план. Папские призывы к походу на русских «язычников» (православное христианство католицизм в XIII веке считал язычеством) были облечены в форму договора между магистром Ордена и датским королем о походе на русские владения.

Сложившаяся на Руси ситуация благоприятствовала планам вторжения. Огромный урон, понесенный Русью в ходе монголо-татарского нашествия, обескровил ее, страна казалась неспособной к серьезному сопротивлению.

Правда, Новгород и Псков избежали прямого вторжения. Но как раз это и делало их лакомым куском для крестоносной агрессии! Причем теперь Новгород был лишен общерусской поддержки, которой он всегда пользовался в борьбе против врагов на западных рубежах. Без помощи владимирских, суздальских, киевских

дружин исполин-город выглядел в глазах рыцарства, разжиревшего на эксплуатации эстов, ливов, куршей, пруссов и других племен, почти беззащитным. Требовалось только пойти и взять то, что угодно крестоносному воинству.

Так рассуждали не только в близкой Ливонии и далекой Дании, захватившей у эстов лучшие земли. Почти тот же ход мыслей одолевал и шведских правителей. Лежавшие на восток от Швеции земли еми, карел, ижоры, води, а также русские северные края неодолимо тянули к себе шведских феодалов, мечтавших о великой — «от моря до моря» — Швеции.

Эти феодальные устремления всячески поддерживались папой. Недаром, когда в 30-х годах восстала только-только покоренная шведами ешь, сохранявшая живые связи с Новгородом, папа Григорий IX по просьбе шведских властей специальной буллой, подписанной им 9 декабря 1237 года, призвал всех католиков Швеции к крестовому походу на неверных. Сразу началась энергичная подготовка к большому походу. Она заняла немало времени — почти два года. В итоге к лету 1240 года Новгород оказался перед угрозой нападения с двух направлений. С юго-запада собиралось двинуться (и двинулось в августе 1240 года) рыцарство, а с Балтики в середине лета пошла на Русь шведская армада.

И совсем скоро угроза вторжения стала быстро превращаться в тяжелую военную реальность.

Русский лад

вадцатилетний новгородский князь Александр Ярославич понимал, что гроза, собиравшаяся несколько лет на новгородских границах, грянет неминуемо.

Первые годы своего правления молодой князь не потерял даром — вместе со всеми новгородцами настойчиво трудился над упрочением рубежей. За три года была создана линия укреплений на реке Шелони — защита от возможного удара со стороны Ордена. На севере дальние подходы к Новгороду прикрывала древняя крепость Ладога. Но северный фланг велик — одной крепости здесь, конечно, недостаточно, враг мог обойти ее или умело блокировать. Строить новые твердыни не хватало сил, а главное — на это не было времени.

Александр решил восполнить этот изъян резким усилением сторожевой службы в приграничье. Ижорским старейшинам князь вменил в службу постоянный дозор за морем и рекой, установил строгий порядок передачи важных сведений в Новгород.

Молодой Александр спешил строить оборону, быстро становился не по годам предусмотрительным. Он уже хорошо понимал, что в будущих неизбежных битвах стоять против врага Новгороду придется в одиночку: вслед за первой ордынской волной уже накатилась на Русь вторая, и помощи ждать было неоткуда.

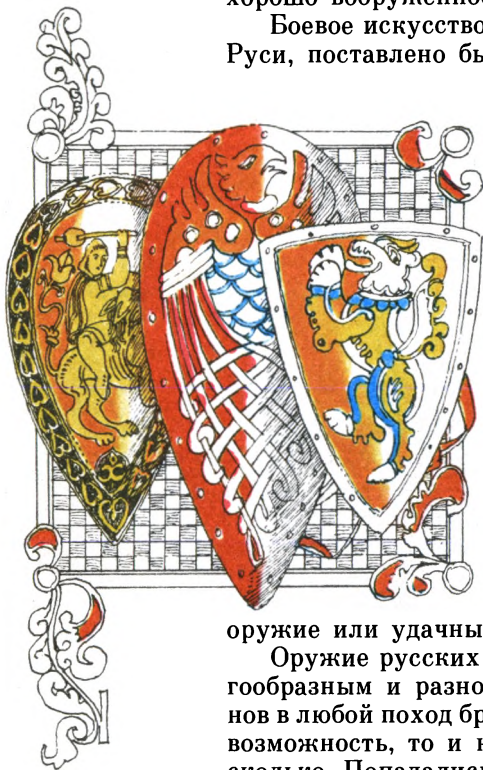
Постоянно заботился Александр о княжеской дружине, а также о том, чтобы Новгород, коль потребуется, мог выставить для защиты хорошо вооруженное ополчение.

Боевое искусство новгородцев, как и во всей Руси, поставлено было крепко и основательно.

Оно несло печать своеобразия, сразу замечавшегося иностранцами. Поэтому вооружение и свод боевых приемов, активно и постоянно применявшихся русскими, в Европе называли коротко и ясно — «русский бой», «русский лад». Своеобычность его состояла в том, что было рождено непосредственно на Руси, но и то, что приходило из земель восточных и западных, северных и южных, — будь то эффективное

оружие или удачный тактический прием.

Оружие русских по этой причине было многообразным и разнородным. Большинство воинов в любой поход брали с собой копьа. Кто имел возможность, то и не одно прихватывал, а несколько. Попадались среди них граненые пики, предназначенные для мощных бронебойных ударов по доспехам. Кроме того, в большом ходу были метательные дротики-сулицы. Сулица

предназначалась, в основном, для поражения легкой пехоты в первом боевом соступе. Смертельный дождь сулиц не только наносил урон врагу, но и оказывал мощное дезорганизирующее воздействие на его полки. Сулица хороша была и в ближнем рукопашном бою, где не разворачиваться с длинной рогатиной.

Рогатина являлась самым крупным и мощным древнерусским копьём. Длинное — до полуметра и более — листовидное лезвие рогатины было обоюдоострым. В руках умелого воина она служила и колющим и режущим оружием одновременно. Насажённая на крепкое древко рогатина позволяла действовать на значительном — в несколько метров — расстоянии. Была она орудием сильным и надёжным — именно с нею обычно ходили смелые охотники на медведя.

Незаменимой она оказывалась и в тяжёлом копейном бою. Копейный бой потрясал людей, хоть раз его увидевших или тем более участвовавших, — «от копейного сокрушения гремящие бывают великие. И щиты разбиваются, и шелома низпадают... падают воины, кто ранен, кто убит...».

Однако основным оружием ближнего боя служил меч. Клинок в метр-полтора длиной был сильным оружием, предназначенным для удара или стремительного укола защищённого латника. Рукояти у мечей встречались разные — обычно «в руку», а реже, у тяжёлых клинков, в полторы и две руки. Меч был дорогим рыцарским оружием. Их имели княжеские дружинники и лишь немногие простые ополченцы, добывавшие мечи в боях. Сабель или похожих

на них клинков в новгородском войске еще не было — они пришли из южных степей столетием позже.

У рядовых ополченцев вместо меча часто служил боевой топор. Он пробивал доспех даже лучше меча, но вот отражать встречные удары столь эффективно, как стальной клинок, не мог. Тем не менее боевой топор был распространенным оружием.

Иногда в тесном пешем и конном бою возникали ситуации, когда ни с мечом, ни с топором, ни тем более с копьем было не развернуться. Тогда доходил черед до булавы или кистеня. Кистень — тяжелая, с угловатыми выступами, железная гирилка на крепком кожаном ремешке. Булава — мощный граненый или круглый набалдашник на полуметровой рукояти. И то и другое — исключительно для ближнего боя, для оглушающих ударов, ибо бить кистенем по доспеху — это только звон устраивать.

Ясно, что любой бой требовал не только нападения, но и защиты.

Защитное вооружение новгородцев тоже было разнообразно. Едва ли не самым важным из доспехов считался шлем. Чаще всего он имел изящную сфероконическую форму и заканчивался длинным навершием. Острый его шпиль не был украшением — при случае он мог сыграть роль таранного оружия, а кроме того, на шпиле крепился флажок-яловец, опознавательный знак принадлежности к определенному подразделению-стягу, что было очень важно в бою. Нередко шлем снабжался наносником — железной пластиной, прикрывавшей переносицу. Кроме того, защитные пластины, в которых оставлялись овальные глазницы, нередко опускались вдоль скул и щек. Пластинчатые на уши защищали голову с боков, а сзади ниспадала вдоль шеи прикрепленная к шлему кольчужная сетка-бармица.

Тело воина защищала кольчуга — универсальное изобретение древних ремесленников. Хорошо облегающая грудь, плечи, спину, руки, она не мешала в бою резким и сильным движениям. В обиходе ее называли «броня» — от слова «оборонять», — и действительно, кольчуга славно обороняла воина, потому и просуществовала многие века. Правда, постепенное усиление наступательного вооружения, появление мощных пик, специальных граненых кинжалов привели к тому, что наряду с кольчугой возник и стал распространяться пластинчатый доспех. Воин, имевший такой доспех, никогда не скрывал его в бою, так как «блистание» доспеха

оказывало сильное психологическое воздействие на противника. «Доспехи же на них, яко серебро блистающе!» — воскликнул впечатлившийся летописец.

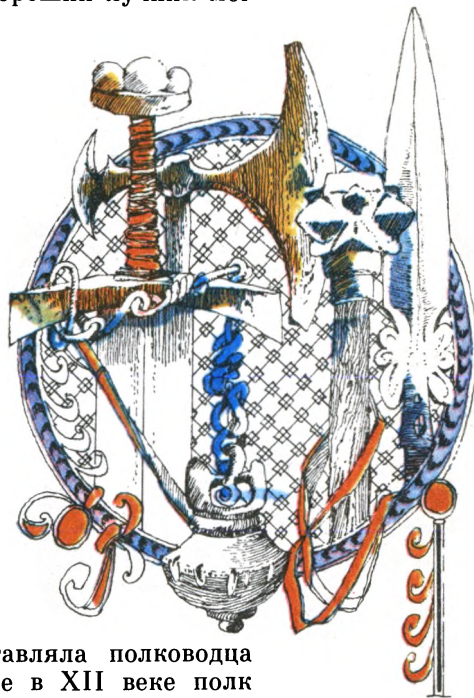
Одна разновидность доспеха составлялась обычно из пластин, которые соединялись ремешками. Часто он доходил до колен, надежно прикрывая воина. Другой распространенный вид доспеха строением напоминал чешую или черепицу: пластины, напояая одна на другую, крепилась к общей подкладке. Полный доспех составлялся из сотни и более пластин и весил много, иногда до десяти, килограммов. Это было сложное и дорогое ремесленное изделие. Пластинчатые брони иногда называли «дощатыми» — они были словно сложены из железных «дощечек». Для большей надежности доспеха пластины соединяли не только ремешками, но и кусками кольчужной ткани, чтобы меч или кинжал не проникли в стык двух пластин. Такой доспех сохранял воину свободу движений.

Но любое оружие касалось доспеха лишь в том случае, если его не успевал отразить щит, очень важная часть вооружения. Щит выставлялся против копий, отводил удары мечей, прикрывал лицо, плечи и грудь. В таранной сшибке он превращался в оружие, которым теснили, а иногда и оглушали врага. Формы русских щитов были самые разные — встречались и круглые, и треугольные, и овальные. В XII веке господствовали миндалевидные щиты, закрывавшие всадника от подбородка до колен. С распространением таранных конных сшибок стали появляться треугольные двускатные щиты, по

плоскостям которых соскальзывали в сторону от оборонявшегося выставленные вперед копья.

Чуть не у каждого воина имелся лук с разнообразным набором стрел. Хороший лучник мог их выпустить за минуту до десятка. Такой смертельный дождь нередко решительно обессиливал вражеское войско еще до начала рукопашной схватки. Правда, легкие стрелы были бессильны против хорошего рыцарского доспеха. Поэтому, чтобы преодолеть такую защиту, стали новгородцы закупать за морем и сами мастерили самострелы-арбалеты, стрелявшие короткими и мощными бронебойными стрелами.

Действия войск в боевых походах и сражениях отличались разнообразием тактических приемов. Суровая жизнь заставляла полководца быть изобретательным. Уже в XII веке полк стал делиться на мелкие тактические подразделения-стяги, которые в бою нередко решали самостоятельные задачи. Заходили с флангов, увлекали врага в нужном направлении на заранее поставленную засаду, вступали в бой в точно назначенный час и в определенном месте.

Основным ядром войска являлась дружинная конница. Она была основательно вооружена и выступала как главная ударная сила в любом сражении. Вступая в дело сразу после массиро-

ванных лучных обстрелов, конница первой завязывала тесный бой. Ее удары дополнялись пехотными «соступами». Отряды «пешцев», набиравшиеся обычно из «черных людей», дополняли усилия конной дружины и, довершая начатый натиск, закрепляли успех.

Приемы ведения боя множились от десятилетия к десятилетию. Но рукопашные схватки оставались главным видом борьбы в полевых сражениях. Битва нередко распадалась на несколько «соступов» — боевых

шибок, самой упорной и кровопролитной из которых обычно бывала первая. В ней по древней боевой традиции участвовали и предводители войска. Иногда «соступы» носили скорый, почти молниеносный характер. «Набегая большими вереницами, — свидетельствовал средневековый историк, — они бросают

копья и ударяют мечами, и вскоре отступают назад».

Если первый «соступ» не решал исхода боя, то случался второй, третий. Подчас сражение длилось целый день и подобных схваток было много. Такая тактика требовала высокой стойкости и выносливости. И не случайно, эти качества русских воинов почти единодушно отмечали иностранцы-путешественники на протяжении многих веков.

Древняя летопись рассказывает, что князь-воин Святослав в походах спал прямо на земле, подложив под голову седло. И так бывало не только в теплые летние месяцы. «Наибольшая их защита от непогоды, — писал о русских воинах изумленный иностранец, — это войлок, который они выставляют против ветра, а если пойдет снег, то воин отгребает его, разводит огонь и ложится около... Однако такая их жизнь в поле не столько удивительна, как их выносливость, ибо каждый из них должен добыть и нести провизию для себя и своего коня на месяц или на два, что достойно удивления. Сам он живет овсяной мукой, смешанной с холодной водой, и пьет воду. Его конь ест ветки, стоит в открытом холодном поле без крова и все-таки работает и служит ему хорошо».

Новгородцы не были исключением из общерусского правила. В жизнь феодальной республики то и дело вторгалась военная струя. То срочно требовалось выступить на защиту своих владений, то затевался поход против давних противников, то ввязывались новгородцы в междоусобную борьбу русских князей.

Александра Ярославича с детства готовили идти по трудной стезе ратного служения. И теперь, на излете тяжелых для Руси 30-х годов XIII века, будучи уже самостоятельным правителем, он, чувствуя, что приходят грозные

времена, готовил к ним Новгородскую землю — укреплял рубежи и дозорную службу, готовил дружину: закупал оружие, снаряжение, лошадей. Готовился и сам, постоянно обдумывал варианты и способы военных действий, советовался с ближней дружиной.

Скоро жизнь подтвердила, что приготовления Александра были как нельзя более своевременными.

В первой половине июля 1240 года дозоры, выставленные ижорским старейшиной Пелгусием, которому была поручена Александром балтийская «стража морская», заметили идущий по заливу флот.

Приблизившись к устью Невы, он выстроил в нескончаемой чередой и стал втягиваться в невский фарватер.

Навстречу врагу

тот же час ижорский старейшина Пелгусий послал в Новгород первого гонца. Путь от Невы до Новгорода занял у всадника целый день, но уже к ночи в Новгороде знали о вторжении.

Молодой и порывистый Александр начал действовать немедленно. Он понимал, что в распоряжении его имеются считанные дни. Собрать большое ополчение со всех новгородских волостей за такой срок было делом невозможным. Еще более немыслимо было бы ожидать помощи от других княжеств, посылать гонцов к отцу, князю Ярославу. Пока обернутся гонцы, враг уж будет под стенами города.

Единственной реальной военной надеждой был быстрый сбор княжеской дружины, усиленной, насколько получится, ополчением из рядовых и знатных новгородцев. Кроме того, Александр срочно послал вестников в Ладогу — с приказом, чтоб и там начали собирать ополчение.

Начались лихорадочно поспешные сборы. Не прошло и двух дней, как все было готово к походу: люди, корабли, кони... Летопись сообщает нам — выступил князь из города «в мале дружине». С ним шло несколько сотен воинов. Большого войска собрать не удалось: времени не было. Но войско княжеское состояло в основном из бывалых воинов, для которых военное дело давно стало привычным. Опыт, приобретенный

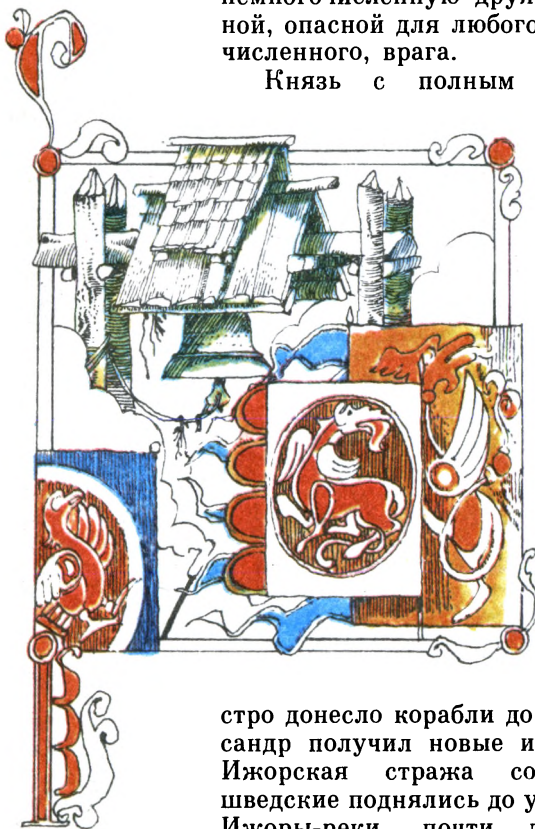

в многочисленных походах, воинское искусство, мужество и дерзость были у каждого. Это делало немногочисленную дружину Александра мощной, опасной для любого, пусть и очень многочисленного, врага.

Князь с полным основанием полагал, что вражеский флот пойдет вверх по Неве в сторону Ладожской крепости. Таким был не только традиционный торговый путь, но и повторяющийся маршрут многочисленных вторжений — и древних викингов, и шведских феодалов — в пределы Руси.

Новгородская дружина на судах по Волхову (а конная ее часть — берегом) быстро двинулась в сторону Ладоги. При попутном ветре волховское течение бы-

стро донесло корабли до крепости. Здесь Александр получил новые известия о противнике. Ижорская стража сообщала, что шнеки шведские поднялись до устья впадавшей в Неву Ижоры-реки, почти до невских порогов. Там армия остановилась, корабли причалили к берегу. На высоком мысу разбили златоверхий

шатер для шведского «князя»-ярла. Тут же рядом расположили шатры «бискупов» — католических священников, намеревавшихся во время этого крестового похода обращать «неверных» — не столько крестом, сколько рыцарским мечом — в истинную веру.

Трудные вопросы встали перед Александром после этих известий.

Что делать дальше?

Ждать ли шведов здесь, в Ладоге, за мощными укреплениями, как почти всегда бывало в годы прежних столкновений. Ведь Ладога и специально поставлена как выдвинутый вперед новгородский защитный пригород.

Крепки ее стены! Впервые каменные укрепления возведены были еще по указу Олега Вещего. А через полторы сотни лет, когда княжил сын Владимира Мономаха Мстислав Великий, крепость ладожскую в камне отстроили заново.

Теперь на мысу при впадении Ладужки в Волхов высилась твердыня несокрушимая! Крепость стала полностью каменной, хотя в большинстве городов — русских и зарубежных — укрепления были еще древо-земляными. Словно утес выдвигалась цитадель в воды сливавшихся у ее подножия рек. По верху восьми-метровых стен шла череда узких стрелковых амбразур, позволявших вести прицельный лучной бой по наступавшим. Стены были высокими и ровными — не за что зацепиться. Внутри крепости был запас продовольствия на случай осады. А воду черпали прямо из Волхова, поднимая ее с помощью ворота через специальную

арку в стене. Почти у каждого горожанина хранилось военное снаряжение, и каждый знал, что он должен делать, когда придет час опасности.

После многотрудного строительства новых стен взять Ладогу не удавалось никому: цитадель из «дикого камня» была неприступной.

Шведы, двигавшиеся ныне в сторону Ладоги, конечно, знали это. Они почти наверняка были уверены в том, что новгородцы вновь, как в прошлые десятилетия, будут отсиживаться за укреплениями Ладоги, прикрывая подходы к Великому Новгороду. Крепкую ладожскую карту нужно было чем-то побивать, и предводители шведские видели два пути, которые могли привести к успеху. Во-первых, везли с собой громоздкие, но очень эффективные приспособления для штурма, изобретенные хитрыми умами западноевропейских ученых людей из земель германских, итальянских и прочих. А во-вторых, войско шведское ныне по размерам таково было, что под Ладогой могло разделиться на две части. Одна будет держать в осадном мешке запертую в Ладоге новгородскую дружину, а другая, не менее сильная, — устремится к лишенному воинства главному граду всей Северной Руси и в союзе с мощным рыцарством Ордена сокрушит его, отомстив за все прошлые обиды и поражения!

Потому непростыми были размышления Александра. Не раз в последние дни держал он совет с опытными дружинниками, с боярами новгородскими, многие из которых бывали

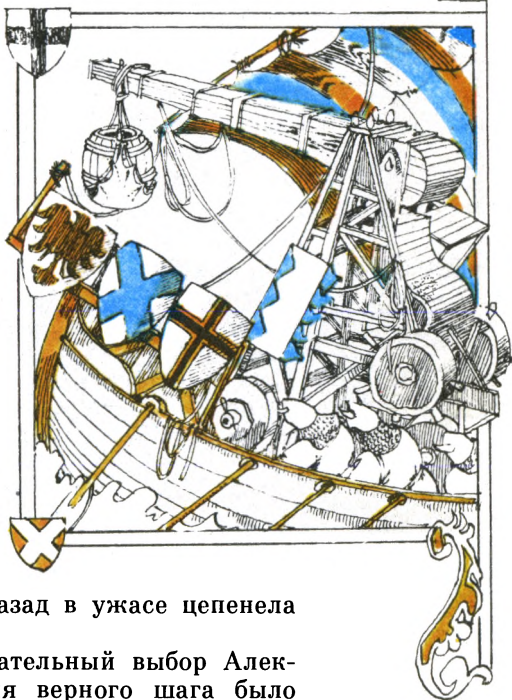
в иных землях и характер разных иноземцев знали неплохо.

Как поступать? Ждать врага многочисленного или выступить ему навстречу и сойтись в открытом бою, который разрешит сразу все?

Гонцы Пелгусия сообщали, что огромных шнек шведских движется по Неве великое множество и в каждой столько народу, что коль сложить, соединить эти числа большие, то получится и вовсе количество невероятное — пять тысяч бойцов! И бойцов отборных! Не рыбаков и пахарей набрал в поход шведский ярл, а крестоносных рыцарей, наследников великого боевого искусства неистовых викингов, перед которыми еще век-другой назад в ужасе цепенела Европа.

Трудным был окончательный выбор Александра — и времени для верного шага было мало, и сведения от разведчиков были отрывочными, полны смятенных чувств.

Но появились в Ладоге новые гонцы от ижор-

ского старейшины. Судя по всему, шведы простоят у Ижоры несколько дней. Многие рыцари сошли на берег. Слышна среди них не только шведская речь, но и «мурманская» — «мурманами» называли тогда норвежцев, и финская. Оружия у всех много разного. У рыцарей доспехи, мечи, копья, и щиты, и длинные ножи, и арбалеты, и луки, и шлемы рогатые, и кольчуги. Видимо-невидимо воинов! На каждом корабле по пять десятков, а кораблей — сто или больше!

Такая злая сила!

Известие о том, что противник чего-то ждет перед невскими порогами, заставило еще раз все тщательно взвесить. Остановка могла означать, что дальше шведы решили двигаться по суше. Перед началом движения, как положено, вперед будут высланы отряды разведчиков, и внезапная атака вражеского войска будет уже практически невозможной. Нельзя исключать и другого варианта: войско врага разделится и часть на легких шнеках пойдет и дальше по воде, а другая атакует Ладогу с суши. А то и сразу по двум направлениям последует удар — частью сил по Ладоге, а основная масса сразу устремится к Новгороду...

Ясно было одно: при любом повороте событий стратегическая военная инициатива, если не упредить действий врага, немедленно будет упущена и в распоряжении новгородцев останется только пассивная оборонительная тактика.

Приходилось Александру брать в расчет и еще одно обстоятельство. На юго-западных

границах новгородских владений все активнее шевелились тевтонские рыцари, замышлявшие, как доносили Александру, удар на Псков и Изборск. Две опасности — северная и южная — сходились в одну. Похоже было, что действия католического Ордена и шведского короля-католика одной рукой направляются. И не ждут ли шведы условленного времени для совместного наступления? Не потому ли причаляли к невавскому берегу и расположились вольготно, что прибыли чуть раньше условленного срока.

Как же разрушить планы врага? Как не дать осуществиться согласованному нападению, если оно задумано?

Александр знал, что в таких случаях путь у полководца почти всегда один: упредить нападение, сорвать замысел врага внезапностью, дерзостью...

На что рассчитывают шведские предводители, почивающие в шатре над Невой? Прежде всего на то, что русские ждут их в крепостях-детинцах — Ладоге да Новгороде. Иначе для чего же трудились-строили, стаскивая дикое камень с ближних и дальних окрестностей? Правда, когда ринутся немцы с юга, а шведы с севера — затрещат новгородские крепости в таких клещах, как орехи! Судя по всему, шведы не сомневались в успехе. Положение Новгорода было, если судить по-военному здраво и строго, отчаянным. Он едва избежал ордынского разорения. На помощь из глубин Руси, прежде всего от родного новгородскому князю стольного Владимира, рассчитывать он не мог:

вся Русь, как было доподлинно известно рыцарям, лежала в развалинах.

Пожалуй, одно оружие оставалось у русской дружины — мужество и дерзость.

Александр решил использовать это оружие сполна.

Встав в ранний час, князь вместе с ближней дружиной направился в церковь святого Георгия к заутрене. В Ладоге немало церквей воздымало к небу свои купола, но выбор Александра не был случайным. Он любил храм Георгия за статную силу мощных, словно крепость, стен, за сходный с воинским шоломом строгий купол.

Храм не случайно имел простой и строгий вид, не случайным было и посвящение святому Георгию-победоносцу.

Ладожане воздвигли его в далеком 1165 году, ровно через год после победы над осаждавшими город шведами.

И Александр хотел, чтобы давняя эта победа осенила нынешние дела его дружины.

Он долго стоял в храме, слушал службу, рассматривал фрески дивные, которыми сплошь покрыты были и стены и своды. Вот архангелы строгие Гавриил и Михаил — небесные покровители князей... На столпах, подпирающих свод, фигуры святых, в основном воителей. Суровые взоры говорили ясно о непреклонных характерах, мужестве и настойчивости, потребных каждому воину.

Дольше всего смотрел князь на фреску, посвященную о борьбе Георгия со змием. Вот святой поражает змия копьем острым. А рядом уже

следующая картина древней легенды — ведет покоренное чудовище на тоненькой веревочке царица Елисава. Чуть поотстав, горделиво вышагивает белый конь Георгия, гордо и прямо сидит на нем святой-победитель — в доспехе, с крепким копьем, сослужившим верную службу в схватке. Красный плащ, осыпанный звездами, развевается за спиной Георгия. На лице его — строгость и печаль, воин погружен в раздумья, а может, проходят перед его мысленным взором картины минувшего испытания.

Князь стоял под сводами храма и думал о предстоящем походе. Пока все совершалось как будто бы правильно. Дружина собралась быстро, хоть небольшая, но славная. И ладожане не подвели — по первому зову собрали и поставили под княжеский стяг сильный отряд. Ибо знают, что несет Ладоге шведское нашествие! Еще со времен викингов остались тому свидетельства в древних сагах: «Ярл Эйрик подошел к Альдейгьюборгу (так называли Ладогу скандинавы) и осаждал его, пока не взял город тот, убил там много народа и крепость ту всю разрушил и сжег».

И стража ижорская сослужила службу верную и быструю. Едва завиделся враг в дали залива — а уже летела первая весть в Новгород...

Солнце еще не успело высоко подняться, когда дружина Александра покинула крепость.

От ладожской крепости до устья Ижоры расстояние небольшое — по прямой около ста ки-

лометров, а водным путем — по Волхову, Ладожскому озеру и Неве — полторы сотни не более. Как преодолела этот последний, во многом решающий, путь новгородская дружина — мы точно не знаем. Из описания битвы известно, что русские атаковали шведов с суши, из глубины приневских лесов. Значит, по крайней мере, самый последний отрезок был проделан по лесным дорогам, скорее всего вдоль малых рек. Исследователи высказывают предположение, что большую часть пути от Ладоги до устья впадавшей в Неву выше, чем Ижора, реки Тосны русские прошли на ладьях. Дальше двигаться по Неве было нельзя: шведы наверняка обнаружат приближение войска и тогда внезапно — один из главных козырей Александра — будет утрачена. Поэтому, судя по всему, суда свернули в Тосну, поднялись на несколько километров вверх, и здесь, в месте наибольшего сближения Тосны с одним из притоков Ижоры, высадились. Дальше путь лежал по суше, вдоль плавно извивавшихся рек прямо к лагерю шведов.

По всей вероятности, Александр вышел на судах из Ладоги утром 14 июля. Весь день шли озером и Невой и к темноте достигли устья Тосны, где, незамеченные врагом, укрылись, поднявшись немного вверх по реке.

До стана врага оставалось километров двенадцать—пятнадцать. Они были преодолены последним броском 15 июля. На подходе к шведскому лагерю была проведена последняя быстрая разведка, еще раз уточнен намеченный план.

Битва

одиннадцатом часу утра, построившись из походного в боевой порядок, русское войско внезапно ударило на врага из приречного леса. Вступление полков в сражение не было хаотичным наскоком. В деталях

зная дислокацию шведского лагеря, Александр разработал четкий план сражения. Его главная идея состояла в сочетании главного удара по находившейся на берегу рыцарской части шведского войска с отсечением остальных сил, оставшихся на кораблях.

Следуя этому плану, главные силы русских — дружинная конница — ударили в центр шведского лагеря, туда, где располагалось его командование и лучшая часть крестоносного рыцарства.

Скоро новгородский князь оказался в самой сердцевине битвы, недалеко от златоверхого шатра, в котором почивали этой ночью ярл и королевич. Здесь, окруженные несколькими плотными кольцами телохранителей, они отступали, отбиваясь от новгородцев, к королевскому кораблю.

Разглядев королевича, Александр с ближней дружиной врезался в закрытый крепкими щитами, щерившийся копьями и длинными мечами клубок. Биться здесь было намного тяжелее и опаснее: предводителя окружали самые опытные и прекрасно вооруженные рыцари.

Но новгородская удаль стала одолевать. Одно за другим разрывались кольца окружавшей королевича стражи. Скрежет битвы, ее яростный накал и стон целиком захватили Александра. Вот уж совсем близко пробился он к королевичу, тесня боевым конем пеших телохранителей. Королевич отмахивался мечом от наседавших дружинников, а увидев Александра, сразу обернулся в его сторону, учуяв здесь главную опасность. Что-то крикнул своим — и в пространство между ними сразу же кинулся десяток шведов, отгораживая предводителя от грозного натиска.

Расстояние между двумя предводителями, только-только сократившееся до того, чтоб можно было схватиться врукопашную, вновь увеличилось. В руках у Александра было в этот момент длинное копье, каким обычно сражаются всадники. Изловчившись, он поверх голов и щитов, меж сверкающих мечей и колышущихся копий, сделал длинный выпад в сторону королевича. И достал его! Острое лезвие копья чиркнуло королевича по лицу, и оно, искаженное гримасой боли, обагрилось горячей кровью.

«Самому королеве въложи печать на лице острым своим копием», — засвидетельствовал позднее летописец со слов одного из участников сражения.

Александр видел лишь этот момент. Его оттерли от королевича десятки шведов, подоспевших на выручку своему предводителю. Возглавлял их шведский воевода, зычные команды которого слышались даже сквозь скрежет, звон и крик сражения.

Что было с королевичем дальше, Александр узнал лишь после битвы из рассказов своих дружинников. Оказывается, раненого, находившегося в полубоморочном состоянии предводителя (им, по преданию, был зять шведского короля Биргер, впоследствии ставший полновластным правителем Швеции) подхватили под руки и понесли к берегу, где стоял королевский корабль. По деревянным сходням его потащили наверх. Сам он почти не мог идти. На носу и корме уже стояли, уперев весла, словно шесты, гребцы, готовые по первой команде оттолкнуться от берега.

Это увидел сражавшийся неподалеку молодой новгородский боярин Гаврила Олексич. Развернув коня, он прищепил его и устремился за королевичем. Он доскакал до корабля в тот момент, когда шведского предводителя уже втащили на самый верх сходней. Не раздумывая, Гаврила Олексич еще крепче всадил шпоры в конские бока, и послушный боевой конь вознес его вверх по дощатым сходням.

Топот копыт услышали несшие предводителя телохранители. Да и с корабля кричали им об опасности. Шведы торопливо, словно мешок зерна, сбросили в шнеку раненого и развернулись навстречу въезжавшему по сходням Гавриле Олексичу. Один или два угрожающе размахивали копьями перед конем, а третий поддел сходни крепким древком копья и свернул их в сторону. И едва-едва не въехавший в шнеку русский всадник вместе с массивными сходнями всей тяжестью рухнул в реку, подняв фонтаны брызг.

Об этом в летописи мы находим едва ли не самый живописный рассказ. Гаврила Олексич, «наскочив на шнеку и виде королевича мчаща под руку. И изъеха на коне по доске до самого корабля. И свергоша его с конем с доски в море. Божею волею от тех изыде неврежден...».

Шведы тут же крикнули гребцам — те уперлись в длинные весла, что было сил, и шнека стала медленно отваливать от берега. С нее хорошо было видно, как выбирается из воды русский всадник.

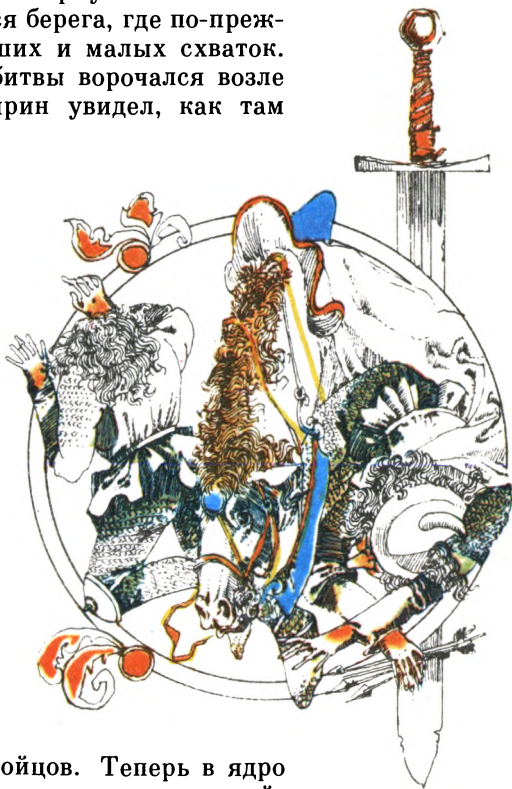
Тяжелое падение обошлось для Гаврилы Олексича благополучно, он остался цел и невредим, только вымок до нитки. Но даже меча из рук не выпустил, не утопил! Поэтому, когда конь вскочил на ноги в неглубокой воде, Гаврила Олексич уже был готов к продолжению схватки. Но до шнеки, быстро отходившей от берега, было уже, разумеется, не достать, а плыть за ней бессмысленно: легко стать добычей шведских копий. Одно из них и так просвистело рядом, чиркнуло по камню на берегу и упало, задребезжав.

И Гаврила Олексич развернул коня в сторону круто подымавшегося берега, где по-прежнему кипели очаги больших и малых схваток. Самый большой клубок битвы ворочался возле златоверхого шатра. Боярин увидел, как там мелькнул на мгновение плащ Александра, и ринулся в гущу сражения.

У шатра противостоял русским отборный отряд, возглавляемый опытным шведским воеводой, летопись именует его Спиридоном. Именно он, верно оценив обстановку, вовремя поспел на помощь королевичу и сумел, остановив русских, спасти его, хотя и не уберег от раны.

Гаврила Олексич атаковал шведов со стороны берега. К нему быстро примкнули несколько десятков сражавшихся здесь же бойцов. Теперь в ядро сбившегося в паническую кучу шведского войска врезались два мощных клина. На острие одного бился Александр, а на острие другого Гаврила Олексич.

Летописный рассказ о Невской битве записан со слов ее участников, что специально отме-

тил составлявший летопись инок: «Си же вся слышах от господина своего Александра и от иных, иже в то время обретошася в той сечи». Схватки, возникавшие в ходе сражения, носили яростный характер, и даже сквозь предельно скупые рассказы о них проступает напряжение битвы, упорство и воинское умение, бесстрашие и удаль.

Рядом с Александром сражался, не отступая от любимого князя, верный слуга Яков Полочанин. Он служил у князя ловчим и был опытейшим охотником, изъездившим многие русские края. Не раз один на один сходилсЯ и с диким вепрем, и с могучим зубром, и с мощным медведем. И воин был отменный, поэтому князь всегда держал его рядом с собой. Вот и теперь меч Якова молнией сверкал то справа, то слева от князя, оберегая его от коварных нападений со спины. Когда возникла в битве минутная передышка, князь похвалил Якова за воинское умение. Летописец специально отметил эту высокую для воина честь: «...мужествовал много — и похвалил его князь».

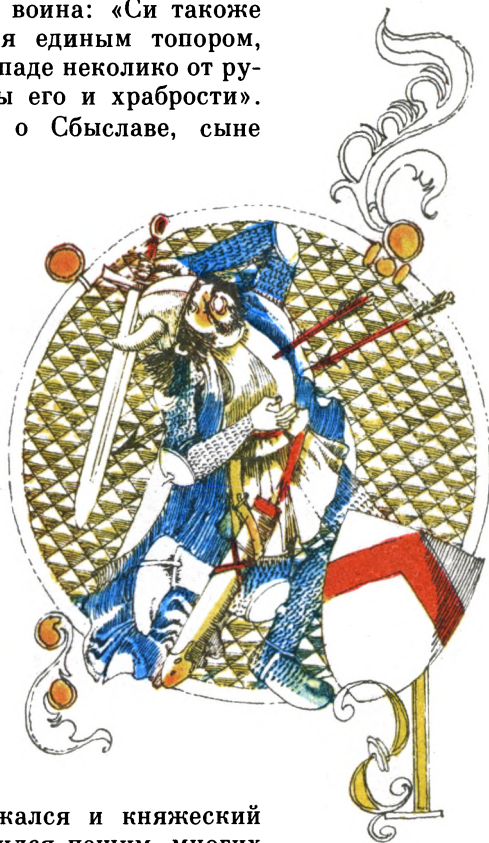
Недалеко от Александра бился и новгородец Сбыслав Якунович. Его сила и храбрость многих в Новгороде дивили. И в этой битве показал он себя бесстрашным бойцом. Ни копья, ни меча у Сбыслава не было. В крепкой руке его сверкал мощный боевой топор, им и рубился он направо-налево, круша наседавших врагов. Трещали и разламывались щиты от мощных ударов, раскалывались боевые шлемы, падали на землю выбитые из рук мечи...

Сквозь скупую летописную строку просту-

пает яркий характер этого воина: «Си также наехав многажды, бияшеся единым топором, не имея страха в сердце. И паде неколико от руки его, и подивишася силы его и храбрости».

Этот краткий рассказ о Сбыславе, сыне новгородского тысяцкого Якуна, обнаруживает еще одну важную деталь примененной Александром тактики. Для того чтобы измотать противника постоянным давлением, в бой непрерывно вступали новые отряды русских воинов, а уставшие отходили в тыл сражения на краткий отдых. Об этом ясно свидетельствует летописная фраза о Сбыславе — «си также наехав многажды», говорящая о том, что он неоднократно вступал в сражение, «наезжал» в гущу битвы после коротких передышек.

Столь же яростно сражался и княжеский боевой слуга Ратмир. Он бился пешим, многих врагов поразил его острый меч. Но и сам Ратмир не уберегся, получил несколько ран. В стремнине битвы его отнесло от головной княжеской группы. Окруженный врагами, уже истекая

кровью, Ратмир сражался до последнего — пока роковой удар шведского меча не свалил его за-
мертво.

И об этом герое сохранился и дошел до нас

скупой летописный рас-
сказ: «Сии бился пеш,
и оступиша его мнози. И
одному же паку от мно-
гих ран падшу, и тако
скончался».

«Четвертый же но-
вгородец именем Ми-
ша. Сии пеш с дружи-
ною своею наскочи, по-
губи три корабли...»

О Мише-новгородце,
родоначальнике одной
из могущественных по-
садничьих династий —
Мишиничей, в летопи-
си сказано короче всего.
Но то, что было осу-
ществлено пешей дру-
жиной под его ко-
мандованием, составля-
ло вторую важнейшую
часть задуманного Алек-

сандром плана битвы. От ее успешного осуще-
ствления в решающей степени зависел об-
щий исход сражения. Ударив со своим отря-
дом вдоль берега, Миша-новгородец сумел вос-
препятствовать тому, чтобы в сражение
включилась та часть шведов, что находилась
на судах. Этот отсекающий удар во многом пре-

допределил исход сражения. Войско шведов не только не смогло построиться хотя бы в подобие боевого порядка, но даже просто собраться в круг для обороны. Битва, продолжавшаяся несколько часов, распалась на ряд больших и малых схваток. Часть кораблей, видимо, сумела отчалить, то есть бежать с поля боя, и в бессилии наблюдать с реки за ходом сражения. Три корабля были погублены дружинниками Миши тут же у берега. Многие рыцари оказались сброшенными в воду — и в полноводную Неву, и в маленькую Ижору. Те, кто сумел перебраться на другой берег Ижоры, в безопасности не оказались, так как в прибрежном лесу действовал небольшой, но активный и сильный отряд ижоры, посланный туда Пелгусием.

Битва продолжалась.

Положение шведов становилось критическим. Раненый королевич покинул войско, его шнека уже была далеко на Неве. Шведская армия была расчленена внезапным нападением на несколько больших и малых частей, которые новгородцы крушили, прижимая к берегу поодиночке.

Паника охватывала шведов. А тут еще рухнул вдруг златоверхий шатер ярла! Это молодой новгородец Сава, разметав шведов, ворвался в него и в несколько ударов подрубил шатерный столп. Падение шведского шатра все войско новгородское приветствовало победным кличем.

Об этом в летописи отдельный, хоть и краткий рассказ:

«Пятый из молодых его, именем Сава. Сии наехав шатер великий и златоверхий, подсече

столп шатерный. И полки Александрове вищеша падение шатра и възрадовашася».

Это действительно был один из кульминационных моментов битвы. Златоверхий шатер ярла торчал на берегу, словно символ начавшегося крестоносного захвата. Падение его, встреченное победным кличем новгородцев, тоже стало символом, но уже совсем другим — символом одоления вторгшихся на Русь зловещих сил.

А в глазах захватчиков падение шатра выглядело как знак поражения. Многие шведы видели, как отошла королевская шнека, поняли, что предводитель их бежал. Вся надежда оставалась теперь на воеводу Спиридона, рядом с которым трясся в страхе католический епископ. Он следовал с огромной и сильной армией шведов по поручению римского папы, чтобы обратить русских язычников в истинную католическую веру, поставить их, коленопреклоненных, перед папским престолом. Не раз уже бывал он в победоносных походах — и вдруг такой неожиданный трагический поворот! Неужто бог отвернулся от папского слуги?

Опытные рыцари из всех сил пробивались к штандарту воеводы Спиридона, понимая, что только отчаянное сопротивление, кое-как организованное им в центре, может спасти положение, остановить русских, дать возможность отойти к шнекам, отступить и остаться живыми.

Но скоро штандарт воеводы исчез в шквале разбушевавшейся битвы. Воевода Спиридон пал в одном из ожесточенных соступов. Тут же кончил свои земные дни и перепуганный епископ.

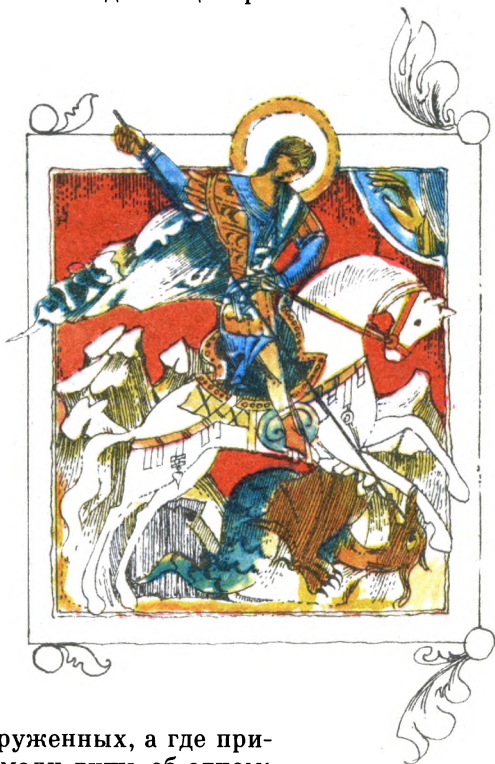
В этих схватках вновь отличился Гаврила Олексич, именно с ним связывает летописный рассказ разгром последнего командного центра в шведском войске.

«...И опять наехал, — сообщает летопись, — и бился крепко с самим воеводою. И тут убиен бысть воевода их Спирidon, и бискуп их тут же убиен».

Это стало одним из ключевых моментов сражения. Был достигнут один из важных результатов, на которые рассчитывал Александр, — значительная часть командования шведского войска уже выведена из строя, и оно, по всей видимости, окончательно потеряло управление.

После этого сколь-нибудь организованного сопротивления уже практически не было. Большие и малые кучки где окруженных, а где прижатых к берегу шведов думали лишь об одном: как добраться до своих шнеков, как унести ноги.

Нескольким группам шведов удалось достичь кораблей. Сбрасывая сходни в море, не обращая внимания на взывавших о помощи ра-

ненных, они отталкивались от берега Ижоры, устремлялись на середину этой небольшой речки, а затем на широкую гладь Невы.

Но к шнекам сумели пробиться далеко не все. Отставшие одиночки, а их было немало, бросались в реку, переплывали ее и устремлялись в лес, надеясь там укрыться. Но удалось это немногим. На левом берегу Ижоры, куда не прошел полк Александра, действовали отряды ижорских воинов, довершившие разгром войска захватчиков.

Сражение продолжалось несколько часов. Ошеломленное внезапным ударом войско шведов понесло колоссальные потери. «Здесь же обретошася многое множество избивенных», — сообщает летопись. К вечеру русские по сигналу отошли с поля боя, перестав теснить остатки рыцарского войска.

Уже к ночи шведы собрали и погрузили на корабли тела знатных воинов и пустили корабли вниз по течению. Их вынесло в море, где они, по преданию, затонули под волнами и ветром. Остальные погибшие были наспех похоронены в общей могиле.

Потери шведов были огромны. Много было и раненых. А те, кто живым вышел из сражения, были потрясены и, конечно, полностью не способны к новому сражению.

Ночью, взвесив все обстоятельства, уцелевшие шведские военачальники поняли, что проигранное сражение означает не что иное, как поражение во всей широко задуманной кампании, крушение едва начатого крестового похода.

Выход теперь был один — поспешно отсту-

пять, что и было сделано. «А останок их побежа», — констатировал летописец.

Простых ратников, павших в битве, уцелевшие шведы похоронили в наскоро выкопанных ямах. Тела знатных рыцарей решено было везти в Швецию и предать земле там. «Трупья же мертвых болших своих муж накладши корабля 3», — сообщает летопись, еще раз подтверждая нам, что потери шведов были очень велики.

Проделав эту нелегкую работу, завоеватели поднялись на корабли и устремились вниз по течению Невы к Балтике, в сторону далекой (три-четыре недели пути под парусом) Швеции. Однако доставить печальный груз к родным берегам не удалось: все три судна «потопишася в море».

Это сообщение летописи, единодушно принимаемое всеми учеными, выглядит не вполне ясным. Летописец, по его признанию, записал свой рассказ со слов тех, кто участвовал в битве. Но как могли ее участники, отошедшие от поля сражения, проследить путь и судьбу груженных мертвыми телами шнек и узнать о их гибели в пучине балтийских вод?

Что же скрыто за летописной фразой? Откуда сведения о потоплении кораблей могли попасть в летопись, если русские, как раз тогда, когда шведские шнеки несло к морю невяское течение, шли «вси здрави въ своя сы», то есть восвояси? Тот или те, кто мог сообщить об этом Александру, кажется, могут быть угаданы. Они уже упоминались в рассказе о битве. Это — ижорская «стража морская». Жившие по бере-

гам Невы и залива ижорские рыбаки наблюдали отход вражеского войска до устья Невы, а быть может, и далее вдоль берегов залива. Они же, видимо, и сообщили, что три шнеки потерпели в заливе крушение и «потопишася». Возможно, все это произошло во время непогоды и шнеки были выброшены на берег — только поэтому и стало известно о крушениях. Ибо усмотреть в дали залива крушение малых кораблей — дело практически невозможное. А может, тела некоторых рыцарей были выброшены на берег, где их нашли местные жители.

Крушения же произошли, видимо, из-за того, что груженные ранеными и убитыми корабли из-за недостатка команды (многие гребцы, участвовавшие в битве, тоже были «язвены», то есть ранены) стали легкой добычей балтийской непогоды.

Сведения, добытые на побережье «морской стражей», дошли до Новгорода и попали через цепочку рассказчиков в летопись. Они отразили реальность, главным непреложным фактом которой было бегство завоевателей.

Потери новгородского полка были невелики. Летопись сообщает, что в битве пали двадцать дружинников. Такой относительно небольшой урон дает иногда повод говорить, что Невская битва была невелика по размаху, явилась заурядным столкновением, значение которого сильно преувеличено.

Однако подобные критики упорно не хотят видеть нескольких важных обстоятельств. Во-первых, потери русских оказались невелики благодаря блестящей, до мельчайших деталей

выверенной тактике Александра. Он не только имел четкий военный план, но и сумел точно осуществить его, что, кстати, бывает во время военных действий весьма и весьма редко: неучтенные обстоятельства или непредвиденные действия противника, как правило, вносят в первоначальные замыслы самые разные коррективы, а подчас разрушают их до основания.

А в Невской битве удалось осуществить все задуманное! Была достигнута ошеломительная внезапность нападения. Были продуманы и осуществлены удары с разных направлений. Из скупой летописной записи явственно проглядывается не только удар основных сил под командой Александра в центр рыцарских сил, но и удар Мишиной пешей дружины вдоль берега, у которого стояли корабли. Таким образом, часть шведского войска фактически не вступила в бой, что также способствовало снижению боевых потерь новгородцев. И второе, быть может, главное, соображение. Измерять значение исторического военного деяния числом павших — это с научной точки зрения дело не строгое, отдающее привкусом той недавней традиции, согласно которой все великое требует великих жертв.

Истинное значение исторических событий выявляется тогда, когда мы умеем правильно поставить их в ряд длинных исторических следствий, когда удастся взглянуть на итоги, к которым они привели, когда попытаемся понять и представить себе, что произошло бы при осуществлении каких-то других вариантов исторического развития. При таком взгляде Невская битва предстает как великое событие.

Великий подвиг

русских князей бывали разные прозвища. Чаще всего их получали по названию города, где сидел князь, — Владимирский, Галицкий, Черниговский, Теребовльский. Иногда прозвище возникало от ярких личных качеств — Мстислав Удалой, Ярослав Мудрый, Иван Калита... И даже семейные обстоятельства могли стать основанием — Всеволод Большое Гнездо был прозван так за свою большую семью, имел он двенадцать сыновей и дочерей.

Александр Невский был первым князем, получившим прозвище за подвиг. Так оценили его современники, под этим именем помнят его потомки. Минувло с той поры уже три четверти тысячелетия, а значение подвига во все эти века не убывало, как случилось со многими славными делами, отошедшими и забытыми. Наоборот! По мере того как мы глубже познавали историю России, масштаб его вырастал. Время и знания высветили новые, неведомые современникам и ближним потомкам грани содеянного. Чтобы вполне оценить их, уже недостаточно знания только истории русского народа, Русского государства. Только изучив историю многих народов и племен, как сохранивших себя, так и навсегда исчезнувших в кипящих водоворотах нашествий, смерчами крутившихся на просторах Евразии, мы поняли, от какой судьбины избавило нас самозабвенное мужество предков.

Лишь когда мы кропотливо — по русским, арабским, скандинавским, монгольским, персидским, итальянским и иным документам — исследовали гагантскую мозаику средневековых событий, мы поняли место выигранного Александром дерзкого скоротечного сражения — Невской битвы — в отечественной истории.

Вопрос о том, что случилось бы, если бы Невская битва была проиграна или если бы русские вообще не решились на сражение, а отсиживались за стенами новгородского Детинца, пассивно поджидая врага, не кажется праздным или лишенным научных оснований.

Окинем еще раз мысленным взором военно-стратегическую обстановку, сложившуюся в то время вокруг северо-западных твердынь — Новгорода и Пскова.

За три года до Невской битвы Новгороду удалось избежать таранного удара татаро-монгольских армий. Угроза нашествия с юга миновала.

Но всего через три года после того, как она миновала, последовал удар шведских феодалов с севера, отраженный в Невском сражении. Если бы этого не удалось сделать, то возможные утраты — захват шведами, по крайней мере, части новгородских территорий, военное ослабление, крупный экономический урон из-за утраты богатых драгоценной пушниной северных волостей и потеря выхода на Балтику в сочетании с данью в пользу Орды — самым решительным образом ослабило бы Господин Великий Новгород.

В таких условиях согласованное со шведами

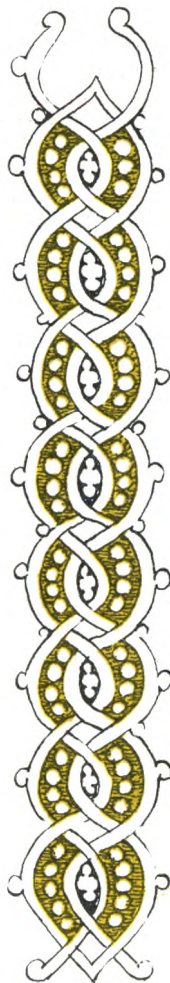
вторжение рыцарей с третьего стратегического направления — из Прибалтики — могло стать и почти наверняка стало бы последним событием на страницах славной новгородской истории. История эта была бы закончена, как случилось в те годы с куда более могущественными народами и племенами. Три мощных удара с разных направлений всего за пять лет! И любой мог привести к утрате самостоятельности русских феодальных республик — последнего никем непокоренного осколка некогда могучей Киевской державы! Таким мог быть неосуществившийся, но имевший все основания стать реальностью вариант нашей истории.

А что породил бы он в цепи необходимо наступающих исторических следствий? Сделаем еще один шаг в туманную область вариантов развития. Предположим, что Новгород и Псков утратили самостоятельность, стали владениями Швеции или Ордена. Осуществись захватнические планы Швеции в отношении Новгорода, и у конунгов появилась бы реальная возможность создания «великой Швеции» — «от моря до моря», то есть от Балтики до Белого моря. Новгород был единственным барьером, сдерживавшим эту экспансию. Это означало бы утрату Русского Севера, явившегося одним из важнейших источников роста экономического могущества русских земель, собирания сил для борьбы с Ордой.

Горделивая Тверь и подымавшаяся Москва оказались бы в жестоких жерновах — с юга Орда, с запада Орден, с севера Швеция... Возможность возникновения Русского централи-

зованного государства в таких условиях превратилась бы в практически невероятную или исчезла бы совсем. Такое движение русской истории скорее всего стало бы неосуществимым.

...Кончался длинный и многотрудный день 15 июля. Белый северный вечер долго светился над невскими берегами. Еще не отошедший от горячки боя, отдыхал у походного костра молодой князь. Многое предстояло ему впереди. До следующего великого сражения Александра Невского — Ледового побоища — оставалось чуть больше полутора бысролетных лет.

Столетия спустя *(Вместо послесловия)*

инули долгие-долгие годы. Место Невской битвы, в отличие от многих других полей средневековых сражений, не было забыто. Еще в новгородское время здесь воздвигли небольшой деревянный храм, ставший памятником совершенному в устье Ижоры подвигу. Александр Невский был причислен к лику святых, а это повело к еще более прочному закреплению памяти о князе среди русских людей.

В последующие века маленький храм не раз разрушался в бурных перипетиях русско-шведской борьбы за невские берега, но всякий раз возводился вновь — память народная не угасала, хранила предание о великом событии.

В самом конце XVIII века, уже после того как при

Петре I приневские земли навсегда возвратились в лоно России, деревянный храм сгорел и на его месте была впервые воздвигнута каменная церковь в честь Святого Благоверного и Великого князя Александра Невского. В XIX веке она неоднократно перестраивалась и расширялась. Сначала пристроили новую высокую колокольню — после этого церковь стала видна далеко по Неве, всем проходящим кораблям. Позднее, в начале 1870-х годов, храм еще раз расширили. Теперь он прочно и гордо стоял над рекой.

После революции церковь действовала еще более полутора десятилетий, до 1934 года, когда ее закрыли. Пытались тогда же устроить в опустевшем храме молодежный клуб, но затея не получилась.

Несколько лет храм стоял пустой, никому ненадобный. Имя его помнилось, но седая древность отступила перед бурным временем, застилась славой новых кумиров. В треске ломающейся жизни все глуше слышалась, замирала древняя героическая мелодия Александрова подвига. Казалось, еще год-два, ну в крайнем случае десять лет, и за полной ненужностью своей новому времени она исчезнет совсем — старое, да еще к тому же разукрашенное осуждаемой церковной мишурой деяние.

Однако ход жизни имел свое глубинное течение, неподвластное расчетам и устремлениям новых земных владык. Грянула Великая Отечественная война, и подвиг Александра Невского вместе с другими великими военными деяниями прошлого стал героическим примером для тысяч и тысяч бойцов. Был учрежден орден Александра Невского, которым отмечали славные дела командиров, сумевших малой силой решить крупные боевые задачи. Точнее сказать, этот орден был не учрежден вновь, а возрожден: ведь в старой России орден Александра Невского, имевший девиз «За труды и Отечество», существовал несколько столетий.

Место Невской битвы вскоре после начала войны оказалось в прифронтовой полосе — враг подступил к Ленинграду.

Высокая колокольня храма вдруг стала неплохим ориентиром для вражеской артиллерии. Было принято решение подорвать храм.

Выполненный по приказу командования 55-й армии подрыв церкви саперы осуществили с примечательной рациональностью. Разрушили только то, что могло сослужить нечаянную службу противнику, — высокую, изда-лека видную колокольню.

Так символ и памятник древнего подвига был принесен на алтарь подвига нового, невиданного в истории. И в этом в общем-то заурядном и прозаическом военном эпизоде вдруг выявилась не всегда ощущаемая нами связь времен и сверкнула твердая грань древнего российского военного правила, чеканно запечатленного в знаменитых симоновских строках:

По русским обычаям — только пожарища
На мертвой земле раскидав позади...

Эхо взрыва, одного из миллионов, изранивших много-страдальную ленинградскую землю за тяжкое время блокады, прогрохотало над Невой и угасло. Кирпичная пыль осела на крутой подмытый течением берег, на могилы при-церковного кладбища...

Долгие блокадные месяцы полуразрушенная церковь несла военную службу — была боевым складом для зажа-тых во вражеском кольце войск. Укрывая боевые припасы, она служила Отечеству, как служили ему те, в чью память она когда-то была поставлена.

Пришла Победа, настало мирное время. Множество дотла сожженных, взорванных, истерзанных врагом памят-

ников пепельным кольцом окружали Ленинград — Петергоф, Пушкин, Гатчина, Павловск...

В длинном ряду дворцов, больших храмов, уникальных творений самых знаменитых архитекторов затерялась скромная церковь. В отличие от пышных собратьев, ее ждала другая судьба.

Многое из того, что помогло нам выстоять в самые трудные дни, словно по злой неразумной воле стало считаться ненужным и малозначительным. Куликово поле и Бородино, где разорили даже могилу Багратиона, приходили в запустение. Могилы Пересвета и Осляби исчезли с лица русской земли. В Александро-Невской лавре размещались артели, склады, мастерские.

Не ушла от этой судьбы и полуразрушенная церковь Александра Невского, и само место Невской битвы.

Церковь так и осталась складом. Только военные припасы вывезли, завезли гражданские. Новые хозяева ничуть не заботились о состоянии полученного здания, надеялись, видно, на получение добротных складских помещений и потому медленное разрушение поврежденной церкви их не волновало. Раза два за послевоенное время наезжали какие-то комиссии, ходили по храму, задирали головы, рассматривая проседающий купол. Составляли акты. Кончилось все тем, что торговцы-арендаторы, найдя новые помещения, выехали, а протекающий и проседающий купол приказано было обрушить — во избежание возможных чрезвычайных происшествий.

Храм-памятник стал руиной, разваливался и зарастал диким лесом и кустарем.

А судьба другого берега Ижоры, того самого места, где звенела знаменитая битва, тоже была печальна, хотя и по-иному. Хаотичный хозяйственный и частный самострой, захламленная территория, казалось, вот-вот сотрут последнюю память о свершившемся здесь великом событии. А са-

мой злой насмешкой над священным местом стала утвердившаяся прямо на мысу винная лавка, постоянно чуть не до второго этажа обставленная пустыми ящиками, окруженная страждущей толпой.

Такое грустное наследство досталось нашему времени от исполненных фатального равнодушия застойных лет... Место российской славы стало местом людской печали о ней.

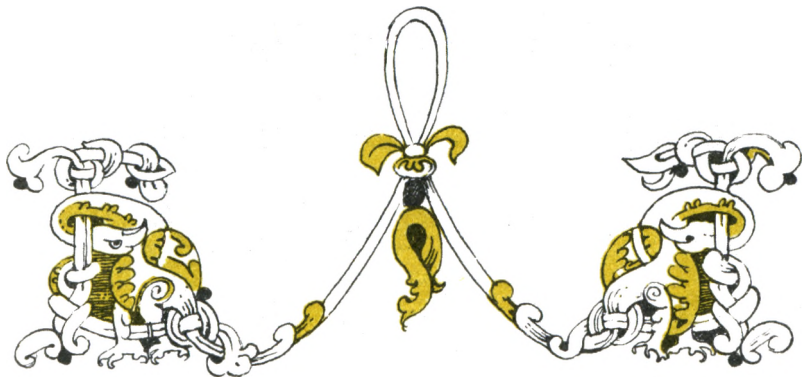
Но истребить, изжить народную память ни нечаянно, ни тем более специально нельзя. Это не удавалось никому, нигде и никогда. Не случайно одной из первых черт обновления стали новые ростки народной памяти.

Они появились и бурно пошли в рост, словно зелень по весне. Ленинградский комсомол провел конкурс на лучший проект мемориала, посвященного Невской битве. Оказалось, что тема этого подвига волнует многих художников, — проектов было представлено не два, не три, не пять, а почти тридцать. Возник совсем потухший разговор о том, что должен, наконец, появиться в городе на Неве памятник Александру Невскому (статуя его легендарного соперника Биргера давно украшает заморский Стокгольм). Родилось самодеятельное объединение «Невская битва», которое направило молодую энергию на восстановление разрушенной церкви, превращение ее в мемориальный музей. Его дела сразу нашли поддержку у поселкового совета, у молодежи Колпинского района, у исследовательского института физической аппаратуры. Появились решения Ленсовета, поддержавшие народную инициативу...

Время вынесло страну на историческую стремнину, и совершаемый поворот властно потребовал пристальней взглянуться в прошлое, осмыслить и взять с собой в будущее драгоценный опыт поколений, заново прочесть многие страницы, вернуть величие славным делам. Так на наших

глазах перелистывается еще одна страница вечной книги народной памяти. Возникшее забвение было ложнокажущимся — в святых глубинах народного сердца поклонение подвигу предков жило, живет и никогда не избудет.

Память о Невской битве, о деяниях Александра Ярославича переходит от поколения к поколению, меняя формы, но сохраняя свою нетленную суть. Сущность ее проста: исполненное ума, решительности и точного расчета самоотверженное и отважное служение Отечеству, особенно нужное ему в трудные переломные времена. Таков непреходящий завет, достигший нашего времени и уже протянувшийся нитью в будущее.

О Г Л А В Л Е Н И Е

От автора

5

ЮНЬЙ КНЯЗЬ

Детские годы

11

Учение

14

Первые пути

19

Новгородские тревоги

22

Смерть брата

32

Боевое крещение

34

ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ

Тайна городского имени

39

Становление града

43

Сельские округа

51

Вечевой строй

60

СВЕЙСКАЯ СТОРОНА

За морями, за горами

79

Свейские конунги

83

Королевские слуги

85

Грозный ледунг

90

К русским пределам

96

МЕСЯЦА ИЮЛЯ В ПЯТНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ...

Ордынский смерч

101

Крестоносный напор

106

Русский лад

113

Навстречу врагу

123

Битва

133

Великий подвиг

148

Столетия спустя. (Вместо послесловия)

152

НАУЧНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Дегтярев Александр Якимович

НЕВСКАЯ БИТВА

Ответственный редактор *Н. Г. Фефелова*
Художественный редактор *И. Н. Косарева*
Технический редактор *Л. Б. Куприянова*
Корректор *Н. Н. Жукова*

ИБ 12187

Сдано в набор 13.07.90. Подписано к печати 20.06.91. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Шрифт обыкновенный новый. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7. Усл. кр.-отт. 29,75. Уч.-изд. л. 7,13. Тираж 100 000 экз. Заказ № 728. Цена 2 р. 30 к. Ленинградское отделение орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательства «Детская литература» Министерства печати и массовой информации РСФСР. 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Министерства печати и массовой информации РСФСР. 193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

Дегтярев А. Я.

Д 39 Невская битва: научно-познавательное издание/Рис. и оформл. В. Цикоты. — Л.: Дет. лит., 1991. — 159 с., ил.

ISBN 5—08—000272 — 7

Книга рассказывает о выдающемся событии в истории Древней Руси — Невской битве.

Д 4802000000—171
М101(03)—91 Без объявл.

ББК 63.3(2)

Бессолод
рослад.
БОВИЧ

Бладинир
Мономах

Дюний
долгорукий

Бессолод
Большое
Гнездо

Дрослав
Дарый

Бладинир
Баторад.
БОВИЧ

Юрик

Дрослав
Бессолод.
ВИЧ

Александр
Неский

Святослав
Игоревич

Игорь

2 р. 30 к.

Издательство «Детская литература»

А. ДЕГТЯРЕВ **ИЗВЕЩАНИЯ**